

КИРИЛЛ

КАЗАНЦЕВ

КОЛЫЧЕВ РЕКОМЕНДУЕТ

БАНДИТСКИЕ СТРАСТИ

СРОК

ЗА ЛЮБОВЬ

Колычев рекомендует: Бандитские страсти

Кирилл Казанцев

Срок за любовь

«ЭКСМО»

2014

Казанцев К.

Срок за любовь / К. Казанцев — «Эксмо», 2014 — (Колычев рекомендует: Бандитские страсти)

ISBN 978-5-699-75499-1

Клим Байков заступился за жену Марину, к которой настойчиво приставал богатый кавказец Сулейман, и в драке случайно убил обидчика. Клим дали пять лет за убийство по неосторожности. После отсидки Байков вернулся домой, но начать спокойную свободную жизнь не получилось. Брат Сулеймана решил отомстить за смерть родственника. Сначала он попытался убить Клима, а когда не получилось, похитил Марину и увез ее в Дербент, на невольничий рынок, чтобы продать в турецкий бордель. Байков выясняет, куда увезли жену, и вместе с корешем, вором по кличке Комар, выезжает в Дагестан – спасать Марину...

ISBN 978-5-699-75499-1

© Казанцев К., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

1.	6
2.	10
3.	15
4.	20
5.	25
6.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кирилл Казанцев

Срок за любовь

© Казанцев К., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

1.

Разгоряченная, сонная и податливая после любви, Марина лежала рядом, плотно прижавшись к Климу. Стояла жара, любовники вспотели и глубоко вдыхали теплый ночной воздух, но не спешили размыкать объятий. Перебирая волосы на груди Клим тонкими длинными пальцами пианистки, женщина взглянула на него и мечтательно улыбнулась. Он накрыл своей широкой мозолистой ладонью ее мягкую узкую кисть и улыбнулся в ответ. То, что мучило заключенного в течение пяти последних лет, – теперь окончательно для него прояснилось. У жены никого, кроме него, не было. И это хорошо. Нет, просто здорово – так и должно было быть. Клим ни о чем не спрашивал Марину – оба избегали разговоров на щекотливую тему. Он просто почувствовал во время близости – каждой своей клеточкой, каждым нервным окончанием – как может чувствовать всякий нормальный и любящий мужчина, что Маришка его и только его, в ее мыслях нет места никому другому. Теперь это можно было произнести вслух, но Клим как-то ступсевался и вместо этого сказал:

– Маришка, могла бы и не приезжать. Столько сил потратила, денег. И месяца не пройдет, как я выйду на свободу. Ты и оглянуться не успеешь. Обещаю – буду вести себя пай-мальчиком. Вот тогда мы с тобой...

Он так и не придумал, что сказать дальше. Ведь свобода... Она делала возможным все, открывала все двери. Клим забыл, когда в последний раз сам мог распоряжаться своей жизнью. Ехать, куда вздумается. Вставать с кровати, когда пожелает. Делать то, что хочется, а не то, что прикажут, или просто не делать ничего. Свобода! Быть самому себе хозяином, кузнецом своего счастья. Годы заключения останутся позади, и он из шкуры выпрыгнет, но сделает счастливой женщину, тихо лежащую рядом с ним. Свою жену.

– Глупый ты мой, – промурлыкала женщина на ухо мужу, ее губы щекотали висок, но он не отодвинулся. – Я не могла не приехать. После всего, что с нами случилось, я дорожу каждой минутой с тобой. Жизнь проходит незаметно. Мы еще молоды, но посмотри на меня. Каждый день зеркало говорит мне – ты прекрасна, спору нет. Но. Уже появились первые морщинки, потом появятся еще и еще. Я не простила бы себе, оставшись дома. Неужели тебе плохо со мной?

– С тобой мне хорошо, родная, – даже не представляешь себе, как хорошо! Ты самая красивая на земле.

– А любимая?! – делая вид, будто обиделась, спросила женщина.

– А уж какая любимая! – Клим сильнее прижал жену к себе. – Теперь я понимаю, что такое счастье.

Его рука скользнула по телу Маришки, он заглянул ей в глаза.

– Не надо, – улыбнулась женщина. – Лучше, чем было только что, уже не будет. Давай просто полежим рядом, поговорим.

Но вместо продолжения разговора она зевнула и устало прикрыла веки. Клим лежал, боясь пошевелиться. Голова любимой жены покоилась на его руке, растрепанные волосы шелковой волной закрывали татуированное запястье. Дыхание Марины становилось все более глубоким и тихим. И вскоре муж понял – она заснула, уткнувшись носом в его плечо.

«Наверное, последние несколько дней почти не спала, – подумал Клим. – Передачу собирала, вкусности готовила, устала. За меня, опять же, волновалась – это заметно. Да и дорога – Маришка никогда не любила долгих переездов – вот и сморил ее сон».

Он нежно посмотрел на спящую женщину, наваждение потихоньку отступало. Пришлось вспомнить, где он находится. Хотя на окнах и не было решеток, но за стеклом бил по глазам свет прожекторов, освещавших зону. Пытаться убедить себя, что это просто уличные фонари, – не получалось, хоть ты тресни. Зона не отпускала Клим – несмотря на то, что в здании для

долговременных свиданий все было обставлено так, чтобы зэк мог почувствовать себя человеком – хотя бы на время. Обстановку комнат любовно сработали своими руками заключенные. Все изготовили сами – от мебели до светильников. Были тут и картины, написанные местными мастерами, и даже вышитые бисером иконы.

К комнате, где оказались Мариша с мужем, приложил руку и сам Клим. На стенах висели его работы, изготовленные в технике резьбы по дереву. Высокохудожественность исполнения выгодно отличала их от основной массы украшений, сработанных зэками. По преимуществу это были незамысловатые, но сделанные от души работы. Клим же мог считать себя профессиональным резчиком, в юности даже получил соответствующее образование. И хотя по специальности почти не работал, на зоне вспомнил подзабытые навыки и быстро приобрел мастерство, которое восхищало товарищей. Резкое изменение образа жизни способствует усидчивости и размышлениям. Клим долго думал над тем, что изобразить, когда замначальника колонии предложил ему оформить резными панно одну из комнат. Идея возникла в голове как бы сама собой, всплыла из глубин недалекого прошлого. В свадебное путешествие семь лет назад Клим и Марина отправились в Прагу – это был дешевый автобусный тур. Оба знали, что в чешской столице есть на что посмотреть, но заранее договорились – никаких экскурсий. Молодожены решили бродить по старому городу вдвоем, целовались в темных каменных подворотнях, пили пиво в маленьких кабачках – и чувствовали себя самыми счастливыми людьми на земле. Как-то во время прогулки по Вышгороду их накрыло внезапным ливнем. Спрятались в ближайшем укрытии – за гостеприимно распахнутой дверью небольшого старинного костела. Клим впервые оказался в католическом храме, до этого бывал только в православных церквях – и то нечасто. Высокие своды стремительно уходили вверх и тонули в полумраке. Мерцали на подставке свечи перед боковым алтарем. Воздух был наполнен ароматом дождя и лилий. Они были везде. Благоухали в вазах перед резными изображениями святых, склоняли бело-зеленые бутоны перед суровыми и страшными в своей натуралистичности распятиями с подкрашенными красной краской ранами на руках Христа. Клим с Мариной не решались присесть – ходили вдоль деревянных скамеек, отполированных поколениями молящихся, и рассматривали непривычное убранство католического храма. Прихожан было немного, человек десять – чехи не отличаются религиозностью. Влюбленные так и не поняли, велась ли служба. Прихожане беззвучно молились. Из динамиков доносился голос священника. О чем тот говорил, понять было невозможно – ни Клим, ни Марина чешского языка не знали. Но слова звучали очень проникновенно, голос наверняка принадлежал старику. Он говорил с длинными паузами, которые растягивались секунд на двадцать-тридцать. Как будто священник давал возможность осознать его слова, повторить их несколько раз про себя и запомнить. Молодые люди почувствовали легкий озноб, словно от прикосновения к тайне.

Клим и Марина продолжали изучать убранство храма. Внимание Байкова привлекли небольшие барельефы, повествующие о последнем дне земной жизни Иисуса Христа. Вырезанные на дереве, они в наивной манере показывали сцены суда над Спасителем, как его бичуют, как он нес крест и то, как он в первый раз упал. Как ему положили на плечо крест – и как Вероника подошла отереть ему лицо от пота платком. Были еще и сцены распятия, погребения и вознесения. Рельефы запомнились Климу, врезались в его память вместе с проникновенным голосом старого священника. Влюбленным не давала покоя мысль, откуда же доносится странная проповедь.

По полу храма змеился черный электрический шнур и исчезал в исповедальне. Клим крепко взял Маришку за руку и пошел вдоль кабеля. За решетчатыми створками исповедальни он увидел старого священника. Тот сжимал в руке микрофон и время от времени шевелил губами. Вот тут-то и раскрылась тайна длинных пауз. Старый человек в маленькой круглой шапочке просто засыпал на время, затем вскидывал голову и продолжал говорить. Наверняка вся проповедь была «записана» у него в голове, как на магнитофонной ленте. Он ни разу не

сбился. Молодожены переглянулись, улыбнулись друг другу и вышли на улицу. Дождь уже кончался, после темноты храма солнце казалось ослепительно ярким.

Спустя несколько лет, когда Клим уже не один год оттрубил на зоне и как резчик согласился поучаствовать в оформлении комнат для свиданок, он внезапно вспомнил этот эпизод. Другие сидельцы советовали сделать панно с видами природы – лес, дикие животные, птицы, цветы. Некоторые предлагали изобразить побольше красивых женщин, их тоже понять можно. Но Байкова не отпускали пражские барельефы. И он понял, что должен изобразить на деревянных панно свою искореженную жизнь – вернее, тот ее отрезок, который привел счастливого и здорового человека на зону. Он вырезал на деревянных досках и раскрасил собственную историю. Получилось красиво, трогательно и немного наивно. Начальник ИТК, прежде чем разрешить повесить рельефы в комнате для долговременных свиданок, послал их на конкурс творчества заключенных. Там работа Клим заняла первое место. И вот теперь, лежа рядом с мирно спящей женой, заключенный снова рассматривал свои шедевры.

Первым, если считать слева направо, располагался барельеф, на котором был изображен сам Клим. Он стоял на пороге, держась за ручку двери, и как бы прощался с Маришкой – она стояла поодаль. Байков хорошо запомнил тот разговор:

– Клим, ну чего ты переживаешь так, словно на виселицу меня отправляешь? – улыбнулась жена. – Ну хочешь, я никуда не пойду?

Переживать как раз было из-за чего. Марина работала преподавателем фортепиано в музыкальной школе городка Ямской. Денег в местной казне на культуру, как водится, не хватало. Приходилось полагаться на спонсорскую помощь. До поры до времени обходились пожертвованиями родителей, чьи дети посещали школу. Но этих крох хватало лишь на нищенскую зарплату да коммунальные услуги. А ведь нужно еще и настраивать старые, купленные еще при советской власти инструменты. Некоторые ремонтировать уже не имело смысла. Однако приобретать новые было не на что.

И тут, как чертик из табакерки, на благотворительном концерте учеников по случаю Дня города объявился Сулейман Бекбулатов – дагестанец, чьи имя и фамилию в Ямском произносили с придыханием и опаской. Бекбулатов в буквальном смысле «держал» город. Ему принадлежал местный рынок, самые большие магазины, автосервисы. Его кавказские молодчики могли доходчиво объяснить любому, что против хозяина идти не следует, лучше не портить с ним отношения. Для Сулеймана в Ямском не существовало закрытых дверей – независимо от высоты начальственных кресел. Земляки Сулеймана буквально наводнили город, очень быстро вытеснив горожан с хлебных мест. Лишь единственное «живое» предприятие города – мебельная фабрика, не принадлежало ему. Ее, еще до появления в Ямском кавказцев, сумел прибрать к рукам крупный чиновник из областной администрации.

Как водится на концертах такого уровня, после выступлений учеников музыкальной школы показать класс должна их педагог. Марина Байкова – эффектная, статная, в вечернем платье – была похожа на королеву. Играла – прекрасно, как всегда, потом с достоинством поклонилась и, когда стихли аплодисменты, решила рассказать со сцены о финансовых проблемах школы. Мэр недовольно прервал ее речь заявлением о том, что местная власть и так делает для музыкальной школы все возможное. И тут неожиданно для всех на сцену поднялся Сулейман Бекбулатов. Молодой, вальяжный, в полосатом дорогом костюме, он картинно поцеловал Марине руку, а затем объявил, что его очаровали звуки музыки, и он готов с этого дня спонсировать музыкальную школу.

– Для начала пусть Марина Байкова подготовит для меня список инструментов, которые нужно приобрести, – с масляной улыбкой предложил теневой хозяин города.

Вот этот день и стал поворотным в жизни Клим. Сулеймана, естественно, привлекла не музыка, а молодая красивая преподавательница игры на фортепиано. Спонсирование музыкальной школы являлось лишь благовидным предлогом сблизиться с нею. Навязчивый кавка-

зец навещался к ней все чаще. Марину, конечно же, настораживали эти визиты, она отказывалась от подарков, предназначенных лично ей, но коллеги по школе умоляли ее принимать цветы и ювелирные украшения. Ведь от щедрости Бекбулатова зависело теперь и их благосостояние. Цветы Марина все же начала принимать. Домой она их, естественно, не приносила, оставляла в музыкальной школе. Об этом Байков узнал от нее позже. А вот от дорогих подарков молодая женщина настойчиво отказывалась, и о каждой такой попытке ухаживания она сообщала мужу.

Клима знаки внимания от постороннего мужика доводили до белого каления. Особенно унижало, что сам он не мог дать жене и десятой доли от щедрых даров Сулеймана, которые Марина отвергала. Клим до сих пор в мельчайших подробностях помнил день, когда Маришка сказала ему, что у коллектива музыкальной школы намечается корпоратив в ресторане.

– Откуда у вас деньги на корпоратив в ресторане? – поинтересовался тогда Клим.

– Спонсоры, – отвела взгляд Маришка.

– Бекбулатов? – ответ Клим знал заранее.

Он вспылал, супруги чуть не поссорились. Муж втайне надеялся, что Марина поймет его чувства и сама откажется идти на этот чертов корпоратив, устроенный наглым кавказцем. Но упрямая женщина, наоборот, начала упрашивать мужа, чтобы отпустил ее.

– Неужели ты сомневаешься во мне? – допытывалась Марина. – Не одна же я иду. Наш директор, другие преподаватели. Это же для дела нужно. Для всего коллектива и для моих учеников. Бекбулатов обещал на летних каникулах отремонтировать классы в школе. Думаешь, мне хочется идти? Я так директору и сказала. Но они меня поставили в известность в последний момент, когда ресторан уже был оплачен. Наш директор и другие преподаватели чуть ли не на коленях умоляли меня прийти.

– А ты сама – ты хочешь с ним пойти? Если отбросить меня, учеников и школу, – напрямую спросил тогда Клим.

– Ну куда же я тебя отброшу? Ты же мой. И об учениках я не могу забыть. Но я давно не была в ресторане. Мне просто хочется выйти в люди, – уклончиво ответила Марина.

Для Байкова это прозвучало как пощечина, словно она произнесла: «Ты давно не водил меня в ресторан».

Клим смотрел на деревянный барельеф, на котором он прощался с женой.

– Я должен был настоять, чтобы она осталась дома, – беззвучно проговорил он одними губами. – Тогда бы все у нас сложилось по-другому.

Байков перевел взгляд на соседнее панно. Там снова был он и Маришка, но не одна, а с Сулейманом. Клим тяжело вздохнул, прислушался к сонному дыханию лежащей рядом женщины и прикрыл глаза. На него нахлынули воспоминания. Отчетливые, яркие, будто бы он вновь оказался в том самом месте, в то же самое время. Ему до боли захотелось, чтобы на этот раз все пошло по-другому, чтобы все закончилось иначе. Но прошлое изменить нельзя...

2.

Клим честно, как они и договаривались, ждал возвращения Мариши из ресторана до десяти вечера. Он обещал ей ждать именно дома и не приезжать, чтобы забрать. Звук автомобильного мотора, человеческие голоса – стоило Байкову хоть что-то услышать на улице, и он бросался к окну. Но каждый раз его ждало разочарование. Приезжали гости к соседям, кто-то кого-то забирал на свидание. Клим не выносима была сама мысль о том, что его жена сейчас сидит рядом с другим мужчиной, улыбается ему, шутит, пьет вино. Он не сомневался, что Бекбулатов подсядет именно к Марине, пригласит ее на танец. Байков никогда не считал себя ревнивым – наоборот, доверие между супругами ценил выше всего, да и Марина поводов сомневаться в ней еще не давала. Теперь же, несмотря на заверения жены, что это мероприятие будет лишь корпоративом, затеянным во благо музыкальной школы, кулаки его инстинктивно сжимались.

Когда на экране настольного будильника высветились четыре двойки, Клим не выдержал. Он набросил куртку, сжал в кулаке ключи от машины и выбежал во двор. Сбегая по ступенькам, он еще пытался уговорить самого себя, что «все в порядке». Мол, он и выехать не успеет, как Маришка уже окажется во дворе и бросится ему на шею. Клим сел за руль старенькой белой «Нивы». Двигатель никак не хотел заводиться, будто бы предупреждая хозяина о том, что никуда ехать не стоит. Когда же, вспотев и выругавшись, Байков в последний раз нервно повернул ключ – мотор чихнул и послушно заурчал.

Ехать было недалеко, в Ямском все близко. Клим остановился напротив ресторана «Факел», вышел из машины. Яркие огни рекламной вывески пестрым платком лежали на черном зеркале близкой реки. Перед самым крыльцом высился стеклянный цилиндр в блестящей металлической оправе. Внутри него тревожно пульсировал, вспыхивал и сжимался живой огонь газового факела.

Клим растерянно подумал, что вот он приехал. А что дальше? Объясняться со швейцаром на входе, потом идти в зал и под взглядами коллег Мариши искать жену? Вытаскивать ее из-за столика под насмешливыми взглядами, чтобы завтра вся музыкальная школа судачила о подвиге местного Отелло? Байков злился на самого себя из-за приступа ревности, понимая, что выглядит глупо. Ты или доверяешь жене во всем, или не женись вовсе. Это не Кавказ, где «прекрасную половину» можно просто запереть в четырех стенах – на всю жизнь.

За стеклянной дверью ресторана открывался вид на просторный холл с классическим красным ковром и пальмами в кадках. На кожаном диване расположились две официантки в коротеньких юбках. Они оживленно жестикулировали, явно что-то обсуждая. Клим не мог слышать слов. Вполне возможно, что разговор был абсолютно безобидным, но воспаленное ревностью воображение рисовало картины одну отвратительнее другой, и на каждой – его жена и дагестанец. Байков посмотрел на часы – время близилось к одиннадцати вечера. Уже час, как Маришка должна быть дома. Вернее, обещала вернуться.

Клим несколько раз нервно прошелся у входа. И тут в зале звучно заиграло фортепиано. Любимый репертуар своей жены Клим знал отлично: Моцарт, Шопен, Шуберт. А тут загремела разнузданная, как ему показалось, лезгинка. Он не выдержал, подбежал к широкому окну, забрался на цоколь здания и заглянул в зал. Сквозь неплотно сдвинутые шторы он увидел свою жену. Марина сидела на возвышении за фортепьяно, словно пианист в салуне – передняя дека с инструмента снята. Молоточки бешено стучали по струнам. Пальцы Маришки буквально молотили по клавишам. На фортепиано стоял недопитый бокал, в нем колыхалось недопитое красное вино.

Педагоги, стоя за накрытым столом, хлопали в такт стремительной музыке. Особенно старался директор музыкальной школы. Он то и дело выкрикивал:

– Асса!.. Асса!.. Асса!..

И под эти звуки на танцполе неистовствовал Бекбулатов. Он, в костюме, при галстук, и с ножом в зубах залихватски отплясывал лезгинку. Проходил круг за кругом. Под аплодисменты и крики «Асса!».

Клим остолбенел.

Мариша последний раз ударила по клавишам и отдернула руки, будто фортепиано раскалилось докрасна. Но педаль продолжала удерживать нажатой. Так что финальный аккорд еще звучал, затихая.

Вспотевший Бекбулатов скалил зубы. Директор и педагоги неистово аплодировали. Сулейман широким жестом дал понять, что аплодисменты принадлежат не только ему. Маришка хотела уже подняться сама, но Бекбулатов остановил ее, подошел, отодвинул стул и одновременно подал руку. Продолжая сжимать ладонь женщины в своей, Сулейман поднял соединенные руки над головами и резко опустил их. Маришка и Бекбулатов низко поклонились. После чего Сулейман повел рукой, давая знать, чтобы коллеги Марины не обращали на него внимания.

Педагоги рассаживались по местам, наливали водку, вино.

Марина присела на винтовой табурет у фортепиано. Прошла пальцами по клавишам. Зазвучал один из ноктюрнов Шопена. Сулейман зашел ей за спину. В руке блеснул золотом и камнями медальон на толстой цепочке. Дагестанец попытался застегнуть его на шее Марины. Та протестующе дернулась, перестала играть, схватила рукой медальон и попыталась его снять. Бекбулатов тоже не спешил отпускать цепочку – он низко склонился к шее женщины и начал что-то шептать ей в самое ухо, с его лица не сходила самодовольная ухмылка. Марина было заиграла вновь одной рукой, но затем резко встала. Застежка выскользнула из пальцев Сулеймана, медальон сверкнул в ярком свете и вместе с цепочкой соскользнул в разрез декольте. Молодая женщина растерялась, покраснела, попыталась отвернуться и найти украшение. Коллеги Марины старательно пытались делать вид, что ничего не замечают. Сулейман с плотоядной улыбкой следил за потугами Марины. А потом крепко схватил ее за запястья.

Клим почувствовал, как его лицо наливается кровью, а уши начинают гореть, словно их лижут языки пламени. Он был готов голыми руками разбить стекло и хорошенько врезать обидчику жены. За окном сцена изменилась – Марина вырвалась и побежала, Сулейман бросился за ней. Они исчезли из поля зрения. Неизвестность, когда приходится додумывать события, которые не видишь, для человека, охваченного ревностью, – невыносимая мука. В голову лезли самые гнусные мысли, лицо горело, кулаки чесались разнести это гнилое место вдребезги. Байков попытался бороться с этим состоянием, но руки предательски дрожали. Он вцепился пальцами в оконную решетку и прижался лбом к холодным прутьям.

Мелодично зазвенели китайские колокольчики на входной двери. Клим выпрямился. На крыльце стояли Сулейман с Мариной. Медальон победоносно сверкал на лебединой шее женщины. Марина не сразу заметила мужа, она растерянно улыбалась Бекбулатову.

– Мне домой надо, – произнесла она. – Муж ждет.

Клим показалось, что ее взгляд выражает симпатию.

– Марина, почему ты до сих пор не дома? – выступил он из темноты, изо всех сил пытаясь сдержать в голосе дрожь и гнев, которые клокотали в нем.

Но не смог – фраза прозвучала неуверенно и даже обиженно, за что Клим тут же возненавидел себя. Женщина дернулась, повернула голову.

– Клим, зачем ты приехал? – спросила она.

– Ты обещала вернуться к десяти. Я волновался. Ты не рада видеть меня?

– Но что со мной могло приключиться? Тут все свои, – вскинула Марина голову, инстинктивно взявшись рукой за цепочку медальона.

– Сейчас же верни ему медальон, – почти выкрикнул Клим.

Молчавший до этого дагестанец ухмыльнулся и произнес нарочито дружелюбно:

– Э-э-э, дорогой. Она сама решает, что ей делать.

– Сними медальон, отдай его этому... – Клим не нашел слов для характеристики кавказца и с презрительным видом кивнул в сторону Бекбулатова, – и сейчас же поехали домой.

Марина виновато покосилась на мужа, рука продолжала теревить цепочку.

– Клим, не надо скандалов. Я сейчас.

– Ты же слышал, – продолжал гнусно улыбаться Сулейман. – Она не хочет уходить. Женщина не вещь, которую можно прийти и забрать. Правда, красавица?

Бекбулатов положил Марине руку на талию, затем скользнул ладонью ниже. Женщина попыталась освободиться, но Сулейман еще сильнее прижал ее талию к своему бедру. Женщина еще раз беспомощно дернулась, как бы признавая превосходство противника.

– Ты чего, милая? – удивленно поднял брови дагестанец. – Кто девушку ужинает, тот ее и танцует. Пять минут назад ты не сопротивлялась. Ах, как не сопротивлялась! Это из-за него?

– Да я тебе морду сейчас расквашу! – крикнул Клим. – Сейчас же отпусти ее!

Сулейман делано рассмеялся. Он наконец-то добился своего, вывел Клим из терпения. Он поднес ладонь к лицу, лизнул ее далеко высунутым языком, прищурился и потянул носом.

– Запах женщины, – мечтательно произнес Бекбулатов.

Повышенные тона, звучащие на крыльце ресторана, распознали абсолютным музыкальным слухом коллеги Марины. На крыльцо выбежали директор музыкальной школы и преподаватель по классу баяна. Из-за их спин выглядывали любопытные преподавательницы.

– Запах женщины, – повторил уже на публику Бекбулатов.

Марина отшатнулась от ухажера. Клим совсем сорвался с катушек и бросился к Сулейману, но между кавказцем и Климом уже встряли директор школы вместе с баянистом, стали хватать его за руки.

– Сволочи, пустите! – кипятился Клим. – Я убью его. Голыми руками!

– Уймись, – шептал директор. – Не портите праздник.

– Не злите его, – советовал баянист. – Богом клянусь, что ничего между ними не было.

У стеклянной двери ресторана уже собралось до десятка любопытных поглазеть на «любовные» разборки. Сулейман смотрел Климу в глаза. Потом вытянул указательный палец по направлению к Байкову.

– Ты обещал расквасить мне морду. Обещал убить, – говорил кавказец спокойно и даже вкрадчиво, но чувствовалось – за секунду он может перейти на крик. – Такими словами не бросаются. А что, если я расквашу тебе морду?

Бекбулатов сделал властный знак директору и баянисту, чтобы те не мешали Климу. Они, словно были у него в услужении, повиновались. Вот только директор шепотом попросил:

– Вы бы помирились. Было бы из-за чего.

Бекбулатов неторопливо снял пиджак, галстук и повесил их на поручни крыльца. Расстегнул золотые запонки и закатал рукава белоснежной сорочки. Остановился напротив Клим – широкоплечий, наглый. Золотая фикса сверкнула в победной ухмылке.

– Ну что – подходи, сосунок. Давай, навалю тебе люлей, как обещал. Слабо? Как орать – так первый, а драться – так к бабе под юбку прятаться полз? – прищурился он и кивнул в сторону Марины. – Женщины сильных мужчин любят. Тех, кто их завоевать может. И защитить.

– Прекратите! – закричала Марина.

– Хватит! – визжали дамы-педагоги.

– Это наше дело, никому в него не лезть, – прорычал в их сторону Клим.

– Сейчас же прекратите! – Марина бросилась к мужу, но тот ее оттолкнул.

– Все, что могла, ты уже сделала, и даже больше, – процедил он сквозь зубы.

– Идиоты! Пещерные люди!

Байков медленно приближался к Бекбулатову. Драться он умел, знал главное правило – бить надо первым, внезапно и наверняка, тогда и выиграешь. Но ревность туманила ему разум. Климу хотелось, чтобы Сулейман первым нанес удар и чтобы Маришка это увидела. Тогда все дальнейшее обретало бы черты справедливой защиты, а не мести за оскорбленную честь жены.

Сулейман принял боевую стойку. Клим приблизился к нему, встал напротив и, сложив на груди руки, спокойно посмотрел Бекбулатову в глаза.

– Сейчас же извинись перед ней, – предложил он Сулейману.

– За что? – улыбнулся тот. – За удовольствие не извиняются и не благодарят. Видел бы ты сегодня ее глаза. Я могу дать ей счастье, а ты...

Бекбулатов не договорил – этой фразой он попытался отвлечь противника и резко ударил первым. Метил в голову, но кулак прошел мимо, Клим успел увернуться и нанести ответный удар. Сулейман был плотнее противника, тяжелее его килограммов на десять – поэтому и не успел уйти с траектории движения кулака, но устоял на ногах и махнул рукой.

– Господа, – взмолился директор школы. – Прекратите!

К нему присоединился хор дам.

– Да сделайте же что-нибудь!

– Я сам, – с трудом выговорил Сулейман, глубоко вздохнул и тут же перешел в наступление.

Сулейман наносил короткие частые удары, пытаясь нащупать брешь в обороне. Времени у Клима хватало лишь на то, чтобы отражать их. Он выжидал, пока Бекбулатов выдохнется.

– Милицию вызовите кто-нибудь! – заверещала одна из преподавательниц. – Он же его убьет! – при этом было непонятно, кто кого.

Теперь уже и прохожие останавливались. Клим краем глаза заметил подростка-кавказца, явно «болевшего» за Бекбулатова.

Байков медленно отступал, затем запрыгнул на крыльцо. Дагестанец тут же увеличил дистанцию. Клим теперь наносил удары с возвышения, не позволяя Сулейману подняться на ступеньку.

Бекбулатов получил в нос, кровь хлынула на белоснежную сорочку. Марина вскрикнула и умоляюще повернулась к зрителям. Желающих разнять драчунов не нашлось.

– Прекратите! Хватит! – кричала она, бегая вокруг импровизированного ринга.

Но мужчины вошли в раж. Они уже забыли о причине драки и самозабвенно наносили друг другу точные, мощные удары. Несколько женщин попытались встать между Сулейманом и Климом. Но моментально отказались от этой затеи. Бекбулатов начал выдыхаться, перешел к обороне. Поединок пока что велся по правилам, противники не пытались пинать друг друга. Однако так долго продолжаться не могло. Усталость брала свое – первым молчаливую договоренность нарушил Сулейман. Почувствовав, что начинает уступать, он резко бросился вперед и схватил Клима за шею. Они рухнули на крыльцо, вцепившись друг в друга. Байков оказался внизу. Сулейман, изловчившись, ударил его головой об землю, придавил и начал душить.

– Сволочь, – хрипел дагестанец. – Ты мне ответишь за кровь.

Бекбулатов взгромоздился на Клима и все сильнее сжимал руки на его шее. Байкову показалось, что у него начали хрустеть позвонки.

– Сдохни, – со свистом выдавил из себя Сулейман.

У Клима потемнело в глазах. Он вскинул руки и резко ударил противника по ушам. Хватка ослабела лишь на мгновение, но этого хватило, чтобы поджать колени и рывком сбросить Бекбулатова с себя. Клим поднялся на ноги первым, и в этой ситуации мог бы добить лежащего Сулеймана ногами. Возможно, он так бы и поступил, не будь рядом Марины. Краем глаза он увидел ее искаженное от страха лицо. Байков остался стоять на месте. Сулейман тяжело поднялся, отряхнул брюки и грязно выругался. Белая когда-то рубашка была темной от крови и грязи.

- Господа, может, хватит? – попытался использовать паузу директор музыкальной школы.
- В самом деле, – вставил баянист.

Клим почувствовал, что теперь придется драться до последнего. Просто так разойтись уже не удастся. Марина бросилась к мужу.

- Перестань!
- Иди в машину, – приказал он жене.
- Удрать у тебя не получится, – хрипло проговорил Сулейман и закашлялся.
- Я сказал, иди в машину!

Марина, не оглядываясь, послушно побрела к машине и забралась внутрь. Ключи зажигания торчали в замке.

«Сейчас все и решится», – мелькнула в голове у Клима мысль. Он заgrimком чувствовал, что схватка близится к завершению. Любой ее исход не сулил Байкову ничего хорошего. Если Сулейман уложит его, то это позор на всю жизнь. Стоило ли тогда вообще затевать драку? Если удастся уложить Бекбулатова, то потом дагестанцы подкараулят его в темном месте и сорвут на нем свою злость.

- Чего ждем? – спросил он у Сулеймана.
- Твоей смерти, – с кривой улыбкой выдавил из себя Бекбулатов.
- Это мы еще посмотрим, – сказав это, Клим начал приближаться к противнику.

Бекбулатов изготовился, принял стойку. Его маленькие глазки сверлили Клима. Дагестанец готовился отразить первый удар. Клим решил не рисковать, не делать ставку на то, чтобы с ходу опрокинуть Сулеймана. Он нанес серию коротких ударов, которые Бекбулатов легко блокировал. Затем перешел к обороне. Бекбулатов вкладывал в удары всю силу, стараясь попасть противнику в голову, однако Клим удачно уклонялся. Сулейман уже кипел от бессильной ярости. Он был не в состоянии с ходу одолеть противника. В соседнем квартале взывала милицеевская сирена. Бекбулатов поморщился – ему не хотелось, чтобы поединок прервали.

Звук sireны прозвучал уже ближе. Сулейман сплюнул под ноги кровью.

- У нас еще есть время, – напомнил Клим.

– У меня – да. У тебя – нет, – ухмыльнулся разбитыми губами Сулейман и сунул руку в карман. Щелкнула кнопка, выскочило блестящее лезвие. Дагестанец сделал несколько молниеносных движений, рассекая перед собой воздух.

- Сейчас ты подохнешь, – процедил Бекбулатов сквозь сжатые зубы.

Пронзительно завизжала Марина – она выскочила из машины, но приблизиться не рискнула. Кончик лезвия вспорол воздух перед самым лицом Клима, он отшатнулся и, улучив момент, двинул Сулеймана в челюсть. Удар был такой силы, что на мгновение подошвы его крокодиловых туфель оторвались от асфальта, дагестанец пролетел пару метров спиной вперед и тяжело рухнул, ударившись затылком о бордюр. Звук был глухой и чавкающий, словно кто-то бросил в стену плотный вилочек капусты. Все замерли. В конце улицы блеснули сполохи мигалки.

- Человека убили! – завершала одна из преподавательниц.

Клим опустился на колени рядом с Сулейманом и приложил к его шее два пальца. Он не заметил, как подросток-кавказец нагнулся, поднял выпавший из ладони нож и, широко размахнувшись, метнул его в реку.

Взвизгнули тормоза. Из милицеевской машины выскочил молоденький лейтенант с пистолетом в руке.

- Жив? – спросил он у Клима. – Кто его так?
 - Жив, – подтвердил Байков, поднимаясь на ноги. – Это я сделал.
- Вокруг головы Сулеймана быстро растекалась черная лужица крови.

3.

Байков поднял веки. Наваждение-воспоминание никуда не исчезло – несмотря на то, что он находился в комнате для долгосрочных свиданий, а рядом с ним мерно дышала спавшая Маришка. Клим не мог сосчитать, сколько раз он возвращался мыслями в тот злополучный вечер, после которого его жизнь стремительно понеслась под откос. Сколько раз он корил себя за тот «победный» удар в челюсть. Сколько он готов был отдать за то, чтобы ни того злополучного дня, ни удара не было. Ну набили бы друг другу морды и разошлись. Нет, горячим парням нужно было драться до последнего. Нужно было Сулейману доставать этот проклятый нож.

Клим снова и снова смотрел на свои деревянные барельефы на стенах. На них была изображена его дальнейшая судьба. Вот лежит распростертый Сулейман, рядом машина «Скорой помощи», санитары готовятся переложить его на носилки. А у крыльца – менты защелкивают на запястьях Климона наручники.

Назавтра Бекбулатов умрет в больнице, так и не придя в сознание.

А вот следующая резная доска. На ней зал суда. Судья зачитывает Климу приговор.

«...за нанесение тяжких телесных... повлекших смерть... семь лет...»

Семь лет, много это или мало? Дагестанцы, которых в зал набилось битком, кричали, что мало. Будь их воля, они бы растерзали Байкова прямо в клетке. Свидетели драки хоть и говорили в пользу Климона, но осторожно, опасаясь мести кавказцев. Сам Байков считал свой приговор несправедливым.

Хотя Сулейман потерял жизнь, а он, Клим, всего семь лет из своей жизни вычеркнул. Но не он же начал драку. Не он же пытался увести чужую жену. Не он достал нож. Клим вступился за честь своей Маришки. И за это семь лет? Пусть даже не семь, а скорее всего, пять. На носу амнистия. Больших претензий к Байкову у руководства зоны нет, должны применить. С одной стороны, пять лет, проведенных за колючкой, показались Климу вечностью. А с другой – монотонная жизнь с раз и навсегда установленным распорядком промелькнула как сон, не оставив сколько-нибудь значимых воспоминаний. Марина регулярно писала ему, обещала ждать, клялась в верности. Не пропустила ни одной свиданки. Вот эти светлые мгновения и скрасили темную сторону жизни.

Клим перевел взгляд на последнюю резную доску, сделанную собственными руками. Она единственная говорила не о прошлом, а о будущем. На ней Байков покидал ворота зоны, а за ними его встречала жена, опираясь на капот все той же старенькой белой «Нивы».

«Странно, – подумал Байков. – Маришка ничего не сказала, словно и не заметила этих досок. А ведь я, по большому счету, делал их для нее. Ну да ничего. Скоро все встанет на свои места. Она же любит меня, а я ее».

Клим почувствовал, как уходят остатки сна, сильно захотелось курить. Он осторожно выскользнул из-под одеяла, наклонился, коснулся губами волос жены, глубоко вдохнул ее запах. Маришка заворочалась, пробормотала что-то нечленораздельное, но несомненно ласковое – но так и не проснулась. Байков оделся и вышел в коридор, плотно прикрыв за собой дверь. Приближалось утро. Уже смолкли разговоры, стихли стоны соскучившихся по мужьям-сидельцам жен. В коридоре царила тишина. Клим прошел на общую кухню. Возле окна, облокотившись на тумбочку, стоял Валик Комаровский, на зоне больше известный по погонялу Комар.

К самому Байкову ни одна кликуха так и не прилипла. Его короткое имя вполне вписывалось в зональные обычаи. Особой близости у Комара с Климом не намечалось – в одну «семейку», как принято называть у эков тех, кто ведет совместное хозяйство, не входили. Комар был из блатных. Несмотря на молодость, пользовался авторитетом, а Клим принадлежал к сословию «мужиков».

Комар выпустил дым в форточку и весело взглянул на прикуривающего Клима.

– Трахаться надо так, чтобы не тебе, а твоим соседям захотелось выйти на балкон и закурить, – сказал он. – Это не твоя так стонала, что стекла дрожали?

Климу не хотелось обсуждать эту тему. Все, что касалось Маришки, было его и только его. Байков испытывал такое чувство, будто слова могут опозорить его жену, замарать ее или навредить.

– Не спиется, – сказал Клим, разглядывая перемытую и аккуратно расставленную на сушилке посуду.

– До утра можно еще пару «палок» бросить, – ухмыльнулся Валик Комар. – Вот докурю и займусь. Только сил уже почти не осталось. Я сейчас как старый «Москвич»: без подсоса не заведусь.

– Так к тебе ж вроде сеструха приехала? – изумился таким планам Валика Клим.

– Сеструха, – подтвердил Комар. – Мне эту сеструху братва в порядке братского подгона прислала. Сунули кому надо, вот телку сеструхой мне и оформили.

– Смотри, Комар, доиграешься. Можешь и под амнистию не попасть, если на тебя кто стуканет.

– Кто стуканет, тот и три дня не проживет. А с тобой я откровенный, потому что уверен – ты мужик авторитетный, по понятиям живешь. В «придурки» не записался. Хоть к нам, блатным, и не примкнул.

– Это мой выбор, – глубоко затянулся Клим.

– И я его уважаю, – подтвердил Валик, почесав татуированную грудь. – Можно достойно и мужиком срок мотать. Ну допустим – меня вот с «сеструхой» застукали за этим самым. Что мне пришьют? Закона такого нет, что нельзя со своей родной сестрой забавляться повзрослому, – Комар подмигнул Климу. – Ну, я пошел на следующий круг, когда еще такая возможность представится? И ты не теряйся. Покурить и в одиночестве успеешь.

– Спит она. Устала, – тихо проговорил Байков.

Комар загасил сигарету под струей из крана, завернул размокший бычок в салфетку и бросил в мусорное ведро. Клим занял освободившееся место у окна. Выкурил одну сигарету, без передышки принялся за другую. Дым будто ударялся в стекло, растекался по нему и уходил в форточку почти под потолком. До слуха Байкова донеслись откровенные звуки из соседней комнаты, которую занимали Комар с «сеструхой». Ему сделалось неудобно, словно он намеренно стоял и подслушивал. Загасив сигарету, Байков вышел в коридор.

Марина спала, положив руку на соседнюю подушку. Клим осторожно взял жену за пальцы, чтобы освободить себе место. Женщина открыла глаза, улыбнулась.

– От тебя табаком пахнет, – проговорила она, обнимая мужа.

– Ты же устала, – Клим прилег рядом.

– Если б ты знал, как тяжело мне было эти годы засыпать одной. Я теперь всегда буду рядом с тобой. Нам недолго ждать осталось.

Это прозвучало предельно искренне, вслед за словами последовал поцелуй.

– Не надо говорить про амнистию. Сглазишь еще, – Клим коснулся плеча женщины.

– Хорошо. Не буду. Я молчу, – Маришка прижалась к мужу.

И Клим почувствовал, что все произнесенные слова уже станут лишними. Общаться можно и взглядами, прикосновениями...

Близость была непродолжительной, но очень чувственной. Маришка быстро завелась и также быстро остыла. Она тихо вздохнула и откинулась на подушку.

– Мне так хорошо с тобой и спокойно, – сказала она.

– Мне тоже.

– Я, наверное, очень глупая и зря тебе сейчас это скажу, – прошептала женщина. – Не смотри на меня так. Не надо. Я стесняюсь... И вообще, нет, нет, я не буду говорить. – Марина прикрыла лицо простыней так, что над краем остались только глаза – большие и глубокие.

– Что ты хотела сказать? – Клим взял жену за плечи.

– Мне стыдно.

– Но ты же хотела.

– Не скажу.

– Если не скажешь, то я все оставшееся время буду гадать, думать за тебя.

– Хорошо. Только не смотри на меня, отвернись. – Марина щекотно коснулась уха Клим губами и жарко зашептала: – Когда мы с тобой вместе в постели, то мне ужасно хочется кричать, а я сдерживаюсь.

– Почему? – рассмеялся Клим.

– Не знаю. Мне стыдно, что кто-то услышит.

– Не надо сдерживаться. Хочешь – кричи. Можешь вообще орать во все горло – пусть завидуют, – подмигнул ей заговорщицки муж.

– Мне кажется, тогда ты станешь меня презирать. Посчитаешь развратной.

– Ты и в самом деле глупая. Я люблю тебя всякую, в любом виде.

– В самом деле?

– А ты как думала? – Клим потянул за край простыни.

Маришка осталась обнаженной, одной рукой прикрывая низ живота, а другой – цепляясь за простыню, которая ничего не скрывала.

– Вот и сейчас мне стыдно, что ты меня разглядываешь.

– Какая ты у меня красивая. Дай посмотреть, – Байков отвел руки жены, окинул ее и в самом деле прекрасное тело взглядом. – Я хочу запомнить тебя такой и вспоминать, когда мне будет плохо.

– Ты поспи хоть немного. – Маришка взяла Клим за голову и прижала его к своей груди.

Байков почувствовал ее тепло, и ему стало спокойно, он закрыл глаза, постарался ни о чем не думать и задремал...

...Прощание прошло быстро. Такие моменты Клим ненавидел. Он не мог смотреть на то, как Маришка плачет, боялся запомнить ее такой – подурневшей, раскрасневшейся от слез. Байков и сам с трудом сдерживал слезы.

Родственники, приехавшие на свиданку, покинули здание. В коридоре установилась тоскливая тишина. Эки выходили на крыльцо с сумками, наполненными едой, куревом, книжками. Сigaretетами заботливые родственники наделяли всех, даже тех, кто не курил. Ведь курево на зоне – что-то вроде универсальной валюты. Комар, по эковской привычке, тут же присел на корточки, рядом с ним опустился и Клим. Сидельцы выглядели помолодевшими, счастливыми.

– В Европе экам даже в отпуск домой можно ездить, – мечтательно проговорил Валик. – Не то что у нас.

– Тебя отпусти – что, вернулся бы? Ищи ветра в поле, – сам спросил и сам же ответил Клим.

– Это точно. Я бы деру дал.

У калитки, прорезавшей сетку ограды, появились двое охранников с простецким столом для досмотра. Они поставили его на землю, но стол шатался. Подыскали камешек, подложили под ножку. Присевший охранник из-под руки посмотрел на Комара и дал ему неприметный знак. Валик тут же забеспокоился.

– Ты чего? – спросил Клим.

– Знал же, что фарт долгим не бывает, – прошептал Комар. – Нутром чуял, что облом случится. Вон и кум нарисовался, – зэк взглядом указал на сотрудника оперчасти, который

приближался к охранникам. – Он на меня давно зуб точит, вот и дождался, подловил. Сейчас шмон будет по полной программе.

– У тебя не все чисто? – осторожно спросил Байков, чувствуя, что чужие неприятности могут за считанные секунды стать его собственными.

– «Сеструха» мне мобилу подогнала. Не для меня, я ее передать должен. Сейчас меня с ней и возьмут. Не хотел же брать, как чуял. Но ты ж знаешь баб – они на что хочешь подписать могут, если в постели.

– Дело – дрянь, – согласился Байков.

Комар сплюнул сквозь зубы.

– Не видать мне амнистии, как своих ушей. – Уголовник задумался, после чего горячо зашептал: – Клим, тебя особо шмонать не станут. Ты на хорошем счету. Кум понимает, что ты не дурак, чтобы нычку выносить. Зачем тебе это, да еще перед самой амнистией? Возьми мобилу. Первым пойдешь. Кум на меня, а не на тебя заточился.

– А если найдут? – резонно заметил Байков, чувствуя, как у него начинает неровно биться сердце и холодеют руки.

– Значит, такое твое счастье. У тебя шанс есть, а у меня – нет. Пособи, в долгу не останусь.

Клим проклял в душе тот момент, когда решил присесть рядом с Комаром. Не присел бы – и не было бы сейчас проблемы. Отказать – значит нажить себе врага. Взять – рискуешь слишком многим. Впереди начинали светить два лишних года. Кум еще не дал команды, но эки уже поднимались. Сотрудник оперчасти бросил в сторону Комара победный взгляд. Кто-то ему стуканул насчет мобилы, он точно знал, что и у кого искать.

– Ладно. Давай, – с тяжелой душой согласился Клим.

Так уж он был устроен, не мог отказать в безнадежной для хорошего человека ситуации. Кум старался больше не смотреть на Комара, напустил на себя безразличный вид.

– Удачи тебе. – Комар нагнулся, вытащил из нагрудного кармана открытую пачку сигарет и вложил ее в ладонь Клима.

– К черту, – ответил тот по ситуации.

Байков тут же почувствовал тяжесть пачки, в которую был запакован мобильник. Возьми ее кто из вертухаев в руки – мигом просечет, где собака зарыта. Клим поднялся и встал в очередь позади одного из эков, Комар пристроился у Байкова за спиной. Клим пытался сосредоточиться, чтобы унять дрожь в руках, на кону стояли два года свободы или заключения плюс перспектива попасть в ШИЗО. Он смотрел, как проводят обыск у стоявшего перед ним эка. Искали довольно тщательно, но не тотально.

– Следующий, – безразличным тоном произнес вертухай.

Кум стоял рядом со столом и ехидно поглядывал на Комара. Тот лихорадочно соображал, и в конце концов – его осенило. Валик полез в карман, а вытаскивая руку, обронил на землю точно такую же пачку сигарет, как та, которую он дал Климу.

Кум выждал паузу, поняв, что Комар не собирается поднимать сигареты, потом криво ухмыльнулся и приказал:

– Подними.

– Что, гражданин начальник? – Валик искусно разыграл растерянность.

– Сигареты подними. Может, еще скажешь, что они не твои?

– Точно, виноват, уронил, – на этот раз Комар изобразил полное отчаяние, мол, попался с поличным.

Кум удовлетворенно хмыкнул, когда Валик нагнулся и поднял пачку. Клим тем временем уже выкладывал на стол содержимое карманов. Пластиковую расческу, коробок спичек, сигареты. Следом высыпал содержимое сумки. Вертухай заглянул внутрь, принялся ощупывать швы, перебирать продукты, привезенные Мариной, пролистал книги. Байков старался дышать ровно, хотя ему казалось, что стук крови в его висках слышен и за забором зоны.

«Только бы не взял в руки пачку. Только бы не взял...» – как заклинание, повторял он в мыслях.

Пальцы вертухая продолжали перебирать вещи.

– Следующий, – проговорил охранник.

Клим подставил сумку и стал торопливо сгребать в нее рассыпанные на столе вещи. Он даже не стал класть сигаретную пачку в карман, просто смахнул ее со стола. И чуть не вскрикнул от ужаса, когда в полете пачка перевернулась. Словно в замедленной съемке, Клим смотрел, как из нее посыпались обрезанные до половины сигареты. Следом выскользнул миниатюрный серебристый мобильник и звучно ударился о твердый переплет книги. Байков замер, уставившись на трубку, поблескивающую в глубине сумки. Ему почему-то подумалось, что это падение видели все. И что для полноты картины телефон сейчас разразится веселой трелью звонка.

– Чего встал как вкопанный? Проходи, – буркнул кум, махнув Климу рукой.

– Иду, иду... – пробормотал Байков и на негнувшихся ногах отошел к экам, уже прошедшим досмотр.

Кум с ехидной улыбкой уставился на Комара.

– Предъявите вещи на досмотр, пожалуйста, – подчеркнуто вежливо предложил сотрудник оперчасти.

Комар вытряс сумку.

– Как скажете, гражданин начальник. Я человек подневольный.

Вертухай стал разгребать содержимое.

– Сигареты не забудь выложить, – напомнил кум.

– И это, пожалуйста, – Валик припечатал к столу начатую пачку сигарет и честно посмотрел в глаза куму. – Могу и карманы вывернуть.

Сотрудник оперчасти неторопливо взял пачку со стола, высыпал из нее сигареты. Он хоть и понял, что пошел по ложному следу, но все же заглянул внутрь и не сдержал вздоха разочарования.

Вертухай, давший незадолго до этого Комару спасительный знак из-под руки, тем временем разыгрывал служебное рвение. Ломал на куски батон, распаковывал завернутые в станиоль бутерброды, тыкал гвоздем-соткой в кусок сала. Второй вертухай тоже был при деле. Он внимательно осматривал и ощупывал большие луковицы. Валик держался с достоинством.

– Ничего запрещенного нет, товарищ капитан, – доложил наконец оперу вертухай.

– Ты уверен? – сдвинул брови кум.

– Уверен, товарищ капитан.

Кум не хотел верить в очевидное. Комара увели в здание, где раздели догола и даже заставили несколько раз присесть. Но и после этих упражнений мобильник на свет не появился. Сотрудник оперчасти скрежетнул зубами. Он не сомневался, что «сеструха» передала трубку «брату». Еще около получаса ушло на шмон в комнатах для свиданок и на кухне. Даже содержимое мусорного ведра вывернули на пол. Комар искусно изображал непонимание – мол, что ищут, с чего это вдруг такая бдительность?

Опер зло посмотрел на Комара.

– На этот раз тебе повезло. Не знаю, каким боком, но повезло. А теперь скажи честно – был мобильник?

– Какой еще мобильник, гражданин начальник? Сестра же не дура, родного брата перед самой амнистией подставлять. Зачем мне это надо?

– Твой день сегодня, – покачал головой опер. – Но сильно не радуйся. Такие, как ты, оказавшись на свободе, подолгу там не задерживаются.

– А я постараюсь.

4.

Освобождение пришло вовремя, как и планировалось. И Комар, и Клим попали под амнистию.

Байков с трудом натянул на себя старомодный мятый костюм. Прапорщик на вахте высыпал перед ним на стол его вещи. Зажигалка, часы, портсигар, уже безнадежно устаревший мобильник.

– До скорой встречи! – с традиционным зонавским радушием пожелал на прощание прапорщик.

Вместо того чтобы возмутиться, Клим промолчал. Пять лет, проведенные на зоне, научили его не суетиться попусту. Пусть себе говорит, служба у него такая. Он же, Байков, цену себе знает. Весь срок проходил в авторитетных «мужиках», от работы не отлынивал, на чужом горбу в рай въехать не пытался. С «козлами» да «петухами» не яхшался. В актив не лез. Начальству не стучал. Ни одного косяка за ним не числилось. Не сказав ни слова, Клим шагнул за ворота. И хоть над ним висело то же самое небо, что и над зоной, бывшему зэку показалось, что синева его стала ярче, а солнце начало пригревать сильнее. За спиной остались забор, вышки с охраной, оборачиваться не хотелось. Все это должно было теперь навсегда исчезнуть из его жизни. Впереди ожидали счастливые годы с любимой женщиной.

Пахло травой и полевыми цветами. Где-то далеко заливался жаворонок. Клим достал из кармана ложку и, по старому зэковскому обычаю, бросил ее через левое плечо, чтобы никогда сюда больше не вернуться. Закинул на плечо сумку и зашагал по дороге к видневшемуся вдалеке городку. Тут шоссе делало поворот, огибая высокую зонавскую ограду. Свернув, Клим «притормозил». На обочине стоял, сияя черным лаком и никелем, длинный старомодный «Кадиллак», лет так около двадцати от роду. Тем не менее машина смотрелась как новая, словно только что сошла с картинки. Из-за приоткрытой дверцы негромко звучал русский шансон. Немного полюбовавшись автомобилем, Клим прогулочным шагом миновал «Кадиллак». Сзади раздался требовательный звук клаксона. Байков обернулся. Из-за руля выбрался улыбающийся Комар.

– Что ж ты мимо проходишь? – спросил он, глаза Валика лучились радостью.

– Вот уж не думал, что ты за рулем. Час, как на свободе, – а уже такую точилу угнал.

– Зачем сразу угнал? – пожал плечами Валик. – «Кадиллак» мой. Незадолго до посадки купил. Братва его сюда подогнала. Десять лет назад крутая машина была, ну а теперь – почетный ветеран американского автопрома.

– Зачетный, я бы сказал. Она и теперь – неплохо смотрится, – похвалил Клим. – На таких в голливудских фильмах гангстеры разъезжают.

– А чего ему не смотреться. В гараже стоял. Пацаны его подремонтировали, покрасили. Салон кожаный, компьютер бортовой стоит, коробка-автомат. А мотор у тачки такой, что она протекторами асфальт рвет. Едешь за сотню, а впечатление, будто на месте стоит.

– Рад за тебя.

– А тебя чего – никто не встречает?

– Я своей Маришке запретил приезжать. У нее в музыкальной школе экзамены, – соврал Клим. – Чего ей лишний раз мотаться. Намаялась уже за пять лет.

– И что, согласилась? Есть повод призадуматься.

– Конечно, приехала бы. Но я ее обманул, сказал, что на день позже меня выпускают.

– Понимаю, проверить решил. Не страшно? Представь, тут ты такой приезжаешь, здравствуй, жена дорогая, а у нее в постели другой мужик, а?

– Я ей верю.

– Баб никогда до конца понять невозможно, – хмыкнул Комар. – Не знаешь, что у них на душе. Я потому с ними подолгу не задерживаюсь. Сегодня одна «сеструха», а завтра – уже другая. Спокойнее так. Я же на зону из-за бабы загремел.

– Что так?

– Давай не будем сейчас о бабах, чего печаль разводить? Воля-то, она – вот, – Комар развел руки, словно собирался обнять и небо, и весь пейзаж. Братва ж не только машину мне подогнала, но и лавешек на первое время. Живем, братан. Я, кстати, тебе должен остался. Выручил ты меня сильно. Ты куда сейчас?

– На вокзал, поезд в десять вечера отходит.

– Так не пойдет. Садись, поехали.

– До вокзала подбросишь? Мне еще билет взять надо.

– Почему это «до вокзала»? Ты что, не понял? Я тебя до самого твоего дома довезу, у подъезда высажу и с рук на руки жене передам.

– Зачем? Тебя же тоже дома ждут.

– Вот этого я не знаю. Осмотреться со стороны надо. Много воды утекло, а жизнь на месте не стоит. Мутные какие-то вести у меня с родины. Садись и не спорь. Если поездом поедешь – скоро не доберешься. Сперва до областного центра, а там – на московский, потом еще в электричке трястись. Садись.

Клим поддался-таки уговорам – знал, что Комар не отвяжется. Пойдешь пешком, так он рядом станет ехать. Салон «Кадиллака» пах средством по уходу за кожей, темно-коричневые сиденья сияли и приятно поскрипывали.

– Устраивайся поудобнее, – предложил Комар, указывая на панель. – Все электроприводом регулируется. Хочешь спинку опусти, хочешь сиденье отодвинь. Кондиционер включить?

– Не надо.

– Тоже правильно. Лучше свежим воздухом природы подышать, – Комар щелкнул клавишей.

С еле слышным гудением над головами пассажиров отъехал потолочный люк, в салоне стало светлее и как-то просторней. Комар плавно тронул машину с места.

– Полный комфорт. Это тебе не зоновская шконка. Чем думаешь на воле заняться?

– Еще не знаю, – глядя перед собой, произнес Клим. – Маришка вроде мне работу подыскала на мебельной фабрике.

– На мебельной фабрике, – пафосно произнес Комар. – Теперь только лохи на такую работу идут. Я для тебя что-нибудь получше придумаю, не такое пыльное. Ты же мужик с головой и руками.

– Не надо. Я хочу тихой и спокойной жизни. Забыть все хочу. Не был виноват, но свое отсидел. Второй раз не хочу. Годы-то щелкают.

– Не торопись, подумай. Новая жизнь у тебя начинается.

Клим взглянул на панель. На ней светился старый черно-белый мониторчик бортового компьютера.

– Как ты в нем разбираешься? – удивился Байков. – Все у тебя здесь в милях да галлонах высвечивается.

– Машина-то американская. Дело привычки.

И Комар стал вновь нахваливать возможности старого «Кадиллака». Говорил он о своей машине с нежностью, словно рассказывал о любимой женщине.

– Ты так не гони, – посоветовал Клим. – Менты еще остановят. Надо оно тебе?

– Ну остановят, ну, штраф выпишут. Так у меня бабок полный бардачок, – засмеялся Комар. – Нет у них теперь прав меня в ШИЗО бросить. – Несмотря на браваду, Валик все-таки сбросил скорость.

Солнце понемногу клонилось к западу. Мимо проносились поля, лесопосадки. В люк врывался напоенный запахами природы ветер. Клим прикрыл глаза и стал вспоминать Маришку такой, какой ее запомнил на последней свиданке. На губах поневоле появилась мечтательная улыбка.

- Маришка, – беззвучно произнес он одними губами.
- О своей думаешь? – донесся до Клима голос Валика.
- Просто так мечтаю, – соврал Байков.

У него появилось такое чувство, словно Комар контролирует его мыслями и тоже видит его жену на кровати в чем мать родила. Он попытался представить себе Марину, уже укутанную простыней, но ничего не получалось. Любимая и долгожданная женщина в его мечтах продолжала лежать абсолютно голая и не спешила прикрываться рукой. Клим открыл глаза.

– Втираешь ты. У тебя же все на лице написано – про бабу думаешь, и даже имя ее шепчешь. Поверь мне, бабы – они ненадежные. Думай про них, не думай, а они все по-своему сделают. От мужика им только две вещи надо – деньги и постель. Подвернется подходящий вариант – и поминай их, как звали. Не поверю я, что она все пять лет тебя честно ждала. Молодая же, красивая. Мужики головы сворачивают, когда такая по улице идет.

Клим понимал, что в чем-то Комар прав. К нему самому иногда закрадывались неприятные подозрения. Но он твердо решил: если у его Маришки что и было, пока он сидел, – все простит. Однако сказал другое.

- Я ей верю, а она мне.
- Ты только себя не обманывай.

Климу больше не хотелось говорить на эту тему, а вот Комар не унимался.

- Бабы не головой думают в отличие от мужиков, а...

Валик не закончил, внезапно на его лице проступила какая-то напряженность, челюсти нервно сжались.

- Что случилось? – забеспокоился Клим.
- Педаль тормоза провалилась. Жму-жму, а тише не едем.
- «Кадиллак» уверенно набирал скорость.
- Так сбрось газ!
- Это не я. Он сам разгоняется. Что за черт?
- Стрелка спидометра неуклонно двигалась вправо.
- Вроде и немного – восемьдесят идем, – сказал Байков.
- Так это же мили в час. Мы под сто пятьдесят валим.

Впереди дорога поворачивала. Валик побледнел. Еще несколько раз нажал на тормоз, но машина его не слушалась.

- Зажигание выключи, – посоветовал Клим.
- Комар повернул ключ, двигатель смолк. Валик удовлетворенно улыбнулся.
- Получилось, замедляемся.

Автомобиль входил в поворот. Комар чуть повернул руль, но тут сработал противоугонный блокиратор. Колонку заклинило. «Кадиллак», еще идущий по инерции под сотню километров в час, вынесло на встречу и протасило крылом по ограждениям. Автомобиль замер.

Комар вытер вспотевший лоб рукавом и выглянул из окна на высокий откос насыпи.

– Если бы я тебя не послушал и летел как раньше, мы бы с тобой были уже внизу. В виде запчастей. И почему это подушки безопасности не сработали? – с подозрением поинтересовался Комар.

- Вылезает, надо машину осмотреть, – сказал Клим.

Выбрались на обочину, подняли капот, стали проверять. Ничего подозрительного не обнаружили. Тормозной тросик не был поврежден.

- А ты попробуй отключить бортовой компьютер, – Клим уже начинал кое-что понимать.

– Думаешь, дело в нем?

– Ты же сам говорил, что здесь есть режим «автопилота», когда можно скорость выставить, а потом по прямой машина уже сама идет, хоть ноги на панель поднимай или на заднее сиденье с бабой забирайся.

– Есть такое, – Комар немного помедлил и вытащил разъем.

Странное дело, но после этого машина стала абсолютно послушной.

– Подействовало, – проехав на медленном ходу пару километров, произнес Валик. – Выходит, компьютер заглянул?

– Компьютер можно и научить, как именно машиной управлять.

– И кто его научил, чтобы меня грохнуть?

– Нас грохнуть, – напомнил Клим.

– Ты просто под замес попал. На пацанов я не думаю. Они все от души сделали. Да и не сами они «Кадиллак» до ума доводили, а на станции технического обслуживания. Вот там меня кто-то и мог заказать. А потом все бы выглядело, будто бы я скорость превысил, не справился с управлением и слетел с насыпи.

– Выходит, что так.

– Гнусно это. Надо будет разобраться, кому я мешаю.

– Ты же только что откинулся, – напомнил Клим. – Еще никому дорогу перейти не успел.

– Старые дела могут всплыть. Я же из процесса ушел. Кому-то не хочется, чтобы я возвращался. Пацаны говорили, что кавказцы в городе у нас часть бизнеса под себя подмяли.

– Кавказцы, – эхом повторил за Комаром Клим.

– У тебя к ним тоже свои счета имеются?

– У меня не к кавказцам, они люди как люди. У меня только к одному из них счет имелся, но мы уже рассчитались с ним по-честному пять лет назад.

Комар уже убедился в том, что машина слушается руля и педалей, а потому прибавил скорость, но особо не гнал. Понемногу темнело. Первая эйфория после освобождения уже прошла, Климу казалось, что и не было заключения. А если и было, то очень, очень давно. Мерно гудел двигатель, ветер свистел в открытом люке.

– Давай я тебя за рулем сменю, – предложил Клим. – Права мои дома остались, но если и остановят – отделаемся только штрафом. Никто меня права управления не лишал. Я в базе данных числюсь.

– Не спеши, ехать нам недолго осталось.

– До Ямского еще далеко.

– А кто тебе сказал, что я собираюсь всю ночь ехать? Надо и остановку сделать, чтобы отдохнуть хорошенько.

Клим уже почуял неладное – Комар явно темнил.

– Чего ты там мутишь? – спросил Байков. – Устал – так давай я поведу, не проблема.

– Куда ты спешишь?

– Домой.

– Поездом тебе до дома пришлось бы два дня добираться. Не опоздаешь. Марина тебя пять лет ждала, еще день подождет. А нам надо после зоны развеяться, оттянуться как следует. Чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитый день. К тому же братва за все заплатила, все подготовила.

– Что подготовила, за что заплатила? – не понял Клим.

– Баньку, девочек, поляну накрыла, перины мягкие постелила. Незамысловатое удовольствие.

– Выпить я немного выпил бы, а девочки лишнее. Я жену люблю.

Комар засмеялся.

– А я разве против? Люби себе на здоровье. Я же не жениться тебе предлагаю. Неужели ты откажешься от аппетитной девчонки, готовой на все? Не верю. Вот и поворот, – Валик сверился с навигатором, притормозил и свернул в лес.

Дорога была разбитая, неровная, грунтовая. Но «Кадилак» преодолевал все ухабы и рытвины на удивление легко.

– Просвет у «Кадилака» больше, чем у «Жигулей», – не преминул еще раз похвалить свою машину Комар. – Развлечемся. От тебя не убудет, сил и на Марину хватит. А то «застоялся» ты на зоне. Даже лучше с ней в постели получится. Ты вспомни, когда у тебя последний раз секс был. То-то же. Два месяца назад. Вот и получится потом с женой пара суетливых движений, и ты уже кончил, а ей-то еще захочется. А так разрядишься и уже спешить не станешь. Так что Марина твоя тебе еще спасибо скажет.

– Она почувствует, что у меня была другая, – возразил Клим.

– Не почувствует. На зоне ты втирать и начить научился будь здоров. Если кум не учуял, что ты мою мобилу со свиданки выносишь, то никакая баба тебя не раскусит.

5.

Последние две недели Марина летала как на крыльях – все у нее получалось, все складывалось. Как будто бы где-то там, наверху, решили: хватит с нее проблем и испытаний. Должен быть и на ее улице праздник. Как-никак, после пятилетней отсидки возвращался муж. Событие, которого она ждала с таким нетерпением, вот-вот настанет, всего через пару дней. Послезавтра наконец-то все закончится, и они будут снова вместе.

Раньше сердце начинало учащенно биться, как только она мысленно представляла себе встречу. Те регулярные свидания на зоне хоть и позволяли временно притупить боль разлуки, но все же не могли избавить ее от постоянной тревоги за мужа: ведь в тюрьме никогда нельзя быть уверенным в завтрашнем дне, в том, что тебе не всадят заточку под ребро, не подставят, не лишат УДО. Теперь же, после того, как муж сообщил, что документы об освобождении уже готовы, Марина чувствовала какую-то возвышенную радость. Мир, такой скучный, серый, унылый и хмурый, вдруг стал таким светлым и красочным. В ожидании и предвкушении радостного события человек сильно преобразается. Вот и Марина тоже стала улыбаться на улице, коллегам на работе. К ней наконец стало возвращаться то ощущение счастья, место которого все эти пять лет занимали тревога и грусть.

Проснувшись, она потянулась и зажмурилась от падавших из окна теплых лучей утреннего солнца, затем встала, включила электрочайник. Чистя зубы, она стала напевать себе под нос любимую мелодию. В комнате зазвонил мобильный телефон. Выплюнув пасту и прополоскав рот, она выбежала из ванной комнаты, но звонок уже затих. Марина посмотрела на экран – два пропущенных звонка от Светки. Она подошла к окну и, глядя, как во дворе детишки играют в прятки, набрала номер телефона подруги.

– Светка, привет. Ты звонила?

– Да, звонила, хотела попро...

– Все в порядке? Ничего не отменяется? – прервала ее Марина на полуслове.

– Все нормально. Встречаемся, как и договаривались. Хотела попросить, чтобы ты не опаздывала – мне еще на работу нужно будет забежать. Да, и не забудь деньги. А то ты в последнее время такая рассеянная.

– Хорошо, не беспокойся. Ты-то там как? – игриво спросила Марина. – Ходила вчера на свидание со своим другом по переписке?

– Нет, не ходила. Такая замученная была, что не хотелось ничего. Пришла после работы домой, забралась в ванну.

– Светка, ну что ты как маленькая? Так можно всю жизнь в ванне пролежать. А принц на белом коне на другой женится.

– Маринка, перестань.

– Значит, так. Пообещай, что договоришься с ним о новом свидании.

– Ладно, ладно.

– Вот и отлично. Тогда до встречи. Пока.

– Ага. Пока.

Марина заварила себе кружку крепкого чая с имбирем и села перед зеркалом делать макияж. Через час она уже готова была выходить, но тут снова зазвонил телефон.

– Алло, Светочка, да-да, уже выбегаю из дома. Нет, не забыла. Через двадцать минут буду. – Марина, поправляя на ходу прическу, мельком оглядела себя в зеркале в прихожей, улыбнулась отражению, лишний раз убедилась, что выглядит прекрасно, – и вышла из дома.

С подругой Светланой, с которой они вместе работали в музыкальной школе, они договорились встретиться в уютной кафешке в центре города. В отличие от остальных коллег, чопорных, завистливых и высокомерных, Светка отличалась искренностью и редкостным чувством

юмора. С ней можно было смело говорить на любые темы, посекретничать. И что очень ценно – она всегда выручала, когда Марина просила заменить ее на работе.

Заскочив в старенькую «Ниву», купленную еще Климом, Марина повернула ключ зажигания и выехала на дорогу.

– О! Ну ты посмотри, всего на пятнадцать минут опоздала. Рекорд, – с добродушной улыбкой выкрикнула Светка навстречу вошедшей в зал Марине.

– Тебе повезло, что хоть бензин в баке был. А то ждала бы еще минут тридцать, пока я на маршрутке доберусь, – весело парировала Марина.

Махнув рукой пробежавшему мимо официанту, она заказала чашку кофе с круассаном и под села к подруге за столик.

– Ну, что, рассказывай, поговорила со своим дядей насчет Клим? – сразу же спросила Марина, с надеждой глядя Светлане в глаза.

– Не беспокойся. Думаю, все будет отлично. Возьмут его в цех. Хотя на мебельную фабрику и без твоего мужа желающих устроиться – пруд пруди, но мой дядя-бухгалтер там на хорошем счету, замолвил словечко. – Подруга допила стоявший перед ней бокал вина и сделала официанту знак рукой повторить. – Вот только...

– Что?! – насторожилась Марина, застыв с чашкой кофе у рта.

– Нужно будет тебе самой подойти к начальнику кадров. Ну, и... – замялась Светлана, испытывая некоторую неловкость, – конвертик с собой захвати. Сама понимаешь – без взятки туда даже по благу не попасть.

– Конечно-конечно. Спасибо, Светочка. Ты так нас выручила.

– Да не за что. Чуть не забыла! На вот тебе телефон дяди. Как приедешь – позвони ему, он спустится, чтобы провести тебя через проходную, – Светлана протянула ей бумажку с телефоном и именем-отчеством своего родственника.

– Николай Онуфриевич, – прочитала вслух Марина. Ничего себе отчество, необычное.

– Ага.

– Слушай, а как там с твоими родителями? Все еще не помирилась? – перевела тему Марина.

– Нет. Все никак не соберусь с духом позвонить.

У Светки еще со школы были напряженные отношения дома. Жила она тогда в Ростове. Взбалмошная мать и авторитарный отец пытались полностью контролировать жизнь дочери. Ей запрещалось поздно возвращаться домой, иметь свое мнение, спорить, пререкаться. Единственной отдушиной была музыкальная школа, где Светка пропадала дотемна. Поэтому, как только выпала возможность уехать подальше от родителей, Светлана ею тут же воспользовалась. Те рассчитывали, что после окончания музыкального училища дочь поступит в Ростовскую консерваторию. Даже нашли через знакомых профессора, готового за небольшую сумму помочь Светлане получить место на бюджетном обучении. Ее жизнь практически была расписана на много лет вперед – без учета ее мнения. С парнями, кстати, ей тоже запрещали встречаться. Все знакомые мальчики, с которыми она дружила и которые пытались за ней ухаживать, родителями воспринимались исключительно как похотливые жеребцы. «Посмотри на своего ухажера, у него же одно на уме – как бы поскорее затащить тебя в постель. Чтобы я тебя рядом с ним больше не видел», – безапелляционно заявлял отец про каждого ее приятеля. В конце концов Светлане осточертело все. Окончив музыкальное училище, она тайком взяла все свои документы и, ничего не говоря, уехала в Москву поступать в столичную консерваторию. На кровати девушка оставила записку, мол, не ищите меня, я уехала учиться в другой город, я люблю вас, но хочу сама строить свою жизнь, а не быть пластилином в ваших руках. Денег у нее было немного, но на билет и на время вступительных экзаменов хватило. Жила у московской подруги, с которой еще раньше пересекалась на музыкальных конкурсах. После консерватории Светка поехала по распределению в Ямской и так там и осталась. Она

здесь никого не знала, ни с кем особо не общалась. За исключением Марины, с которой быстро нашла общий язык.

– А давай я позвоню твоим родителям и все расскажу, – предложила Марина. – Мол, так и так, Светлана живет в Ямском, у нее все хорошо.

– Даже не знаю. Они и так знают, что со мной все в порядке. Раз в год посылаю им открытку, чтобы не волновались. Да и стоит ли мне вообще с ними видаться? Не хочу ворошить прошлое. Мне достаточно знать, что они где-то там.

– Но ведь однажды они умрут. И ты будешь корить себя, что не провела их ни разу.

– Маринка, давай отложим этот разговор. Мне голова начинает болеть от всех этих воспоминаний о родителях и моей с ними жизни.

– Хорошо, проехали. Захочешь поговорить – обращайся.

– Обязательно. Давай за вас – чтобы все было хорошо. – Светлана подняла только что принесенный официантом бокал вина, легонько прикоснулась им к чашке подруги и залпом выпила. – Ладно, ты поезжай в отдел кадров, а мне нужно бежать. Там, в школе, очередное заседаливо какое-то. Сама знаешь – на трезвую голову туда никак нельзя, иначе подохнешь от скуки. А не идти – так директриса прогул поставит, а это уже минус в зарплате.

– Я заплачу, – одернула Марина подружку, когда та полезла в сумочку за кошельком.

– О'кей, – в следующий раз я проставляюсь, – весело подмигнула Света. – Все, лечу. Позже созвонимся.

Подруги расцеловались в щечки и разбежались в разные стороны. Одна, несмотря на каникулы и жару, выслушивать рекомендации управленцев отдела образования, как учить детей, другая – устраивать мужа на едва ли не единственное в городе успешно работающее предприятие.

Спустя пятнадцать минут Марина была уже на стоянке у входа в административное здание фабрики. Видимо, только закончилась смена или начался обеденный перерыв, так как из дверей бесконечным потоком выходили рабочие и служащие. В спецовках и костюмах, молодые и в возрасте, молчаливые и о чем-то возбужденно спорящие. Марина смотрела на них и перед глазами вставали воспоминания. Ее отец был рабочим, и Марина часто приходила к проходной встретить его после рабочей смены. Папа брал ее за руку, и они шли погулять в парк, поесть мороженое крем-брюле. Марина всегда с нежностью вспоминала эти счастливые моменты из детства.

Достав из бардачка конверт, она положила туда несколько купюр, вышла из машины и, глубоко вздохнув, набрала на мобильнике номер.

– Алло, Николай Онуфриевич? Добрый день. Вас беспокоит Марина, подруга Светланы... – она старалась не волноваться и говорить спокойно. – Да, я уже подъехала. Через минуту буду у проходной.

Не успела Марина зайти внутрь здания, как к турникетам подошел полноватый мужчина лет пятидесяти, в потертом костюме и черных сатиновых нарукавниках.

– Вы Марина? – с приятной улыбкой спросил он ее.

– Да, здравствуйте.

– Андрюха, пропусти эту красавицу, она со мной, – обратился Николай Онуфриевич через окошко пункта охраны к парню в камуфляжной форме.

– Зря обнадеживать вас не буду, – сразу же перешел к делу мужчина. – Начальник кадров тут – сложный человек. На уговоры, мольбы и слезы не реагирует. Так что сразу забудьте про этот вариант. Единственное, что на его действует положительно, – это деньги. Да и то не всегда. Поэтому будем надеяться, что именно вам удача сегодня улыбнется.

Марину начало подташнивать от волнения, она и раньше нервничала, а сейчас начали трястись руки. Они зашли в лифт и стали подниматься. На табло поочередно загорались и гасли цифры – 1, 2, 3...

– У меня есть деньги. Немного, но... – прерывающимся голосом сказала она.

– Успокойтесь! – Николай Онуфриевич ободрительно приобнял ее за плечо и подмигнул. – Прорвемся.

Выйдя из лифта, он показал ей пальцем на кабинет и сделал знак головой, мол, тебе туда.

– Спасибо вам за помощь, – тихо поблагодарила Марина.

– Да на здоровье. Желаю удачи. Светке привет передавайте. – Мужчина зашел обратно в лифт, двери сомкнулись, и Марина осталась одна в пустом коридоре.

Собравшись с духом, она подошла к двери и постучала.

В кабинете за массивным столом с резными ножками сидел мужчина средних лет, по виду славянин. Откинувшись в кожаном кресле, он курил, лениво рассматривая какие-то документы.

– Заходите-заходите, присаживайтесь, – он кивнул, указывая на кресло у стола.

– Добрый день. Я по поводу работы. Мне сказали, что у вас есть место...

– Извините, но для девушек – ничего нет, – не отрываясь от бумаг, ответил тот.

– Я своего мужа хочу устроить. Он очень хороший резчик по дереву. И образование у него соответствующее есть. Вот, смотрите.

Марина достала из сумочки файл с дипломом мужа и вложенным в него конвертом, положила на стол перед кадровиком. Тот со снисходительным видом взял документ и, сунув конверт в стопку лежащих сбоку папок, развернул его.

– Та-ак, техникум, ага, резчик первого разряда, – забормотал он себе под нос и вдруг резко замолк и поднял взгляд на посетительницу. Наконец, выдержав паузу, спросил:

– Клим Викторович Байков. Какая-то знакомая фамилия. Это, случайно не тот, что в центре города человека убил несколько лет назад? Помню, все газеты тогда об этом писали. У нас город тихий, маленький. А тут – такое.

– Да, он, – без энтузиазма признала Марина.

Она сидела очень ровно, как женщина, знающая себе цену. Но в глазах стояло отчаяние, она чувствовала – еще немного, и позорно разревется. Внезапно вся эта затея показалась ей бессмысленной и глупой. Кому нужен бывший зэк, да еще на фабрике, на которую полгорода пытается попасть? А Светка так обнадежила. Мол, мой дядя – бухгалтер главный, всех там знает, все устроит. Тоже мне протекция. Даже взятка не помогла. Сейчас скажет – извините, ваш муж нам не подходит. Марина уже была готова встать и уйти.

– Простите, забыл представиться, Иван Петрович Луков, – начальник неожиданно ожил. Он энергично поднялся из кресла, подошел к молодой женщине и протянул руку.

– М-марина Байкова, – ответила она растерянно и, поднявшись, тоже протянула руку для рукопожатия.

– Да не расстраивайтесь вы так, – увидев застывшие в глазах молодой женщины слезы, Иван Петрович достал из кармана пиджака платок и протянул ей. – Бывает. Человек оступился. Думаю, нужно дать ему шанс. Возможно, что он и не виноват был. Садитесь, расскажите о нем.

– Вообще-то он заступался за меня. Подрался с одним человеком. И так вышло, что тот ударился головой обо что-то. То ли ступеньки, то ли камень. Извините, – Марина заплакала.

– Ничего-ничего. Вот, возьмите, попейте, – начальник налил из стоящего на столе графина воды и подал стакан посетительнице.

– Значит, так. Мы его возьмем. Почему бы не дать возможность человеку вернуться к нормальной жизни. Тем более вы говорите – мастер. Два месяца – испытательный срок. Посмотрим, что умеет, как работает. А там уже оформим, как полагается, на постоянно. Кстати, а почему он сам не пришел?

Утерев глаза, Марина успокоилась. Отпила немного воды.

– Извините еще раз. Не могла сдержаться. Климa еще не выпустили, он только послезавтра сможет подойти. А я решила вот похлопотать за него.

– Понятно. Тогда пусть приходит к нам со всеми документами. На охране его пропустят. А это вам, купите что-нибудь к его приезду, – начальник вытянул из кипы папок минуту назад засунутый туда конверт со взяткой и протянул его Марине.

Молодая женщина робко взяла его и положила в сумочку. Ей все еще не верилось в произошедшее. Холодное безразличие начальника вдруг сменилось доброжелательностью и сочувствием. Видно, у него тоже кто-то из родственников по неосторожности в тюрьму угодил. Человек может понять горе другого, только почувствовав его на себе.

– Спасибо вам большое, – поблагодарила Марина, вышла из кабинета и только тогда смогла перевести дух.

Вроде бы все понемногу налаживалось. Они снова будут жить как раньше: тихой, спокойной семейной жизнью. Не будут вспоминать о прошлом, забудут его как страшный сон. Ей не нужны большие деньги, дорогие рестораны. За пять лет разлуки Марина научилась ценить простое человеческое счастье.

Подъехав к дому, молодая женщина вышла из машины, минуту постояла, любуясь, как шумят на июньском ветру стоящие вдоль дороги липы.

Напряжение, в котором она пребывала с утра, до конца не ушло. Что-то исподволь мучило, не позволяло поверить, что все обустроилось так на удивление гладко и легко. Да и взятку у нее не взяли. Что-то здесь не то. Но – что? Может, не стоит относиться подозрительно ко всем подряд. Не все же люди волки. Попался сегодня приятный человек – и спасибо ему. Надо ли искать в его благожелательности подвох? Так и с ума недолго сойти. Вон, даже по дороге домой почудилось, будто за ней кто-то следит на машине. Спокойствие, только спокойствие. Нужно немного развеяться, отвлечься. Марина положила в карман ключи и направилась в сторону парка. На душе было легко, молодая женщина чувствовала себя почти что счастливой. Ведь она смогла пережить пять лет одиночества. А за этой черной полосой просто обязана наступить светлая, исполненная любви и радости. Марина шла, подставляя лицо солнцу, и сама не заметила, как начала напевать про себя романтическую мелодию.

* * *

Как только дверь кабинета закрылась за посетительницей – лицо начальника кадров Ивана Петровича Лукова резко посуровело, улыбка сменилась ехидной гримасой. Он подошел к окну и, наблюдая, как Марина Байкова садится в машину, набрал по мобильнику чей-то номер.

– Алло, привет. Ты мне в прошлом месяце небольшую услугу оказал. А сегодня я хочу с тобой в нули выйти. Ни за что не догадаешься, какая у меня новость. Ты сейчас сидишь? Сядь, а то упадешь. Помнишь того мужика, который Сулеймана завалил? Ага, Клима Байкова, его самого. Так вот, только что у меня была его жена – шикарная, между прочим, цыпочка. Приходила просить для него место у нас на фабрике. Прикидываешь? Типа, хочет вернуться к обычной жизни, на правильный путь встать и все такое... Какие еще два года мотать?.. Он по УДО откинулся.

Иван Петрович заулыбался, слушая реакцию собеседника.

– Делай с этой информацией что хочешь. Не мое дело... Ну, как, вышли мы с тобой в ноль?.. Ну и отлично... – он подошел к окну и, отодвинув занавеску, выглянул на стоянку у входа. – Да, вышла, садится в машину. Все, пока. До связи.

* * *

Пройдясь по аллее, Марина купила рожок мороженого и присела на лавочке. К ней сразу же подбежал бездомный котенок и, жалостливо глядя, принялся мяукать. Марина положила перед ним остаток мороженого, и котенок жадно набросился на лакомство. В считанные секунды управившись с угощением, он снова посмотрел на Марину голодными глазами.

– Бедный. Не наелся? Сейчас, подожди, принесу тебе поесть, – она погладила несчастное животное и смахнула с уголка глаза слезу.

Через пару минут Марина вернулась с куском вареной колбасы.

– Вот, кушай.

Положив перед котенком угощение, Марина отправилась еще немного прогуляться. Она прошла мимо старой лавочки и подумала, что здесь они любили сидеть с Климом теплыми вечерами и рассказывать друг другу разные смешные истории. Даже здесь ее не отпускали воспоминания. Марина вдруг вспомнила, как на годовщину их знакомства Клим привел ее на набережную и они до утра просидели на пляже, отхлебывая из бутылки шампанское и фантазируя, что с ними будет через пять, десять, двадцать, тридцать лет. Они представляли, как заведут двоих детей, мальчика и девочку. Как будут растить их, волноваться за них. Как в старости, сидя на крыльце собственного дома, будут держать друг друга за руки и вспоминать счастливо прожитую жизнь. Погуляв часик по парку, Марина вдруг заметила метрах в двухстах, у обочины дороги, знакомую машину. Ту самую, которая, как ей казалось, следила за ней от самой мебельной фабрики. Однако молодая женщина старалась держать себя в руках. Стоп, никакой паники – это обычная машина. Нечего фантазировать. Мало ли в городе таких машин ездит. Да и кому она нужна? Марина прошла немного вперед по дорожке, потом сделала вид, что поправляет застежку на босоножках, и украдкой оглянулась. Машина, еле слышно урча мотором, медленно ехала параллельно ее движению. Сердце заколотилось, стало трудно дышать. Марина вернулась к своей «Ниве», нервно стартанула и через пять минут была уже дома. Захлопнув за собой дверь и заперев ее, подошла к окну. Слегка отодвинув штору, выглянула на улицу: серебристый «Опель», преследовавший ее у фабрики и в парке, проехал мимо ее двора. Кусты сирени, растущие вдоль забора, не позволяли рассмотреть ничего в салоне авто – заметила только, что стекла тонированные, но кто сейчас такие не ставит? Да и один ли такой автомобиль на весь город?

Тем временем стемнело. Марина составила список блюд, которые собиралась приготовить к приезду мужа, записала, что нужно завтра купить, похлопотала по хозяйству. Потом заварила травяной чай и устроилась на диване перед телевизором. Как раз начинался сериал. Не то чтобы она любила их смотреть, эти мыльные оперы. Но они действовали на молодую женщину словно успокоительные таблетки. Если ей нужно было прийти в себя, подумать – она брала в руки пульт и погружалась в перипетии чужих судеб, виртуальных радостей и бед. В какой-то момент Марина краешком глаза заметила мелькнувшую за окном тень. «Наверное, летучая мышь, – подумала она. – Или – майский жук». Они в это время года бились в освещенные окна. Но через минуту тень появилась снова – уже в соседнем окне. Теперь девушка четко рассмотрела сначала человеческий силуэт на фоне света уличного фонаря, а затем на какую-то долю секунды мелькнуло лицо незнакомца: борода, усы, «южные» черные глаза. Сердце ёкнуло, душа ушла в пятки. Что делать? Звонить в полицию? И что она расскажет: что испугалась тени за окном? За ней явно кто-то следит: теперь Марина это отчетливо поняла. Сначала машина, потом эти тени. Шорох во дворе окончательно вывел ее из равновесия. Она резко задернула шторы на окнах и тихо подошла к входной двери.

– Кто там? – с надрывом в голосе крикнула она. – Уходите! Я вызову полицию.

Воцарилась мертвая тишина. Замолчали даже актеры на экране телевизора. Лишь слышно было, как на кухне тихонько гудит холодильник. Тишину внезапно оборвал звонок домашнего телефона. Марина испуганно подошла к нему. По домашнему номеру могли позвонить только родственники, а учитывая время суток – не с хорошими новостями. А еще – рекламные агенты, предлагая втюхать суперненужную безделушку. Звонила, правда, и Светка – так можно было трепаться и час, и два. Но такое тоже бывало нечасто – только в случае очередной разбитой любви. В эпоху мобильных телефонов монументальный красный аппарат выглядел пережитком прошлого, таким мастодонтом. Он стоял в прихожей скорее как музейный экспонат, чем средство связи. На часах было около одиннадцати ночи. Поздно даже для подруги. Марина испуганно взяла трубку и поднесла к уху.

– Алло? – вопросительно произнесла Марина.

На том конце провода никто не отозвался.

– Кто это? Что вам нужно? – Не дождавшись ответа, Марина бросила трубку со страхом и отвращением, как гремучую змею. Потом взяла пульт, отключила в телевизоре звук и прислушалась. За дверью никаких шорохов уже не было. Молодая женщина почувствовала – еще немного, и она сорвется. Когда снова раздался звонок, Марина подошла к телефону, резко подняла трубку и тут же положила обратно. Выдернула из розетки телефонный шнур, села на диван и, обхватив обеими руками чашку с почти остывшим чаем, попыталась унять нервную дрожь.

Но тут зазвонил мобильник – требовательно и долго. Марина опустила глаза на экран – звонила Света.

– Эй, ты почему трубу не берешь? Что-то случилось? – вместо приветствия спросила подруга. – Я тут названиваю на домашний, чтобы спросить, как все прошло. Идут гудки, а потом вдруг тишина. И мертвые с косами стоят. Ты жива, моя старушка?

– Света, приезжай сейчас ко мне. Я боюсь. За мной кто-то следит, – дрожащим голосом пролепетала Марина.

– Что ты выдумываешь? Показалось тебе, выпей сто граммов и ложись спать – наутро все как рукой снимет, – попыталась успокоить ее подруга.

– Умоляю, приезжай, – чуть ли не рыдая в трубку, повторила просьбу Марина.

– Ладно. Сейчас вызову такси и приеду. Ты только не впадай в истерику.

Поняв, что с Мариной действительно что-то не то, Света положила трубку, достала из шкафчика флягу с коньяком и пошла одеваться.

Марина с раннего детства боялась оставаться дома одна. Единственное, что ей хоть немножко помогало ослабить страх и успокоиться, была музыка. Она садилась за инструмент мамы и начинала играть – сначала этюды Черни и легкие сонатины. А когда выросла, ее спасителем стал Шопен. Тревога, хоть и ненадолго, отступала на второй план, внутри разливалось спокойствие. Вот и сейчас, поговорив с подругой, Марина села за пианино, открыла крышку и положила пальцы на клавиши. Комнаты наполнила плавная музыка польского гения. Марина вся погрузилась в игру. Но расслабиться, как это обычно бывало, не получилось. Посторонние мысли не отпускали, как она ни старалась.

Через полчаса в дверь раздался стук. Молодая женщина вздрогнула.

– Открывай, это я! – послышался с улицы голос подруги.

– Заходи! – Захлопнув за подругой дверь, Марина тут же закрыла ее на оба замка. – Никого на улице не видела?

– Да кто там может быть? Разве что какие-нибудь ежики по кустам за мышами гоняются, – попыталась разрядить обстановку Светлана. – Да что ты такая напряженная?

– Ко мне в окно заглядывал какой-то кавказец! Я не брежу, Света, правда! А еще мне кто-то звонил и дышал в трубку. Может, Клим кому-нибудь в тюрьме дорогу перешел, и его теперь поджидают?

– Прекрати фантазировать. Вот, я снотворного привезла – по пятьдесят граммов на двоих. Понятно. Ты нервничаешь – муж приезжает, пять лет порознь. Вот и мерещится всякое. Идем, коньячок – он и нервы успокоит, и настроение поднимет, и спать будешь крепко. А завтра на свежую голову спокойно обсудим, что к чему.

Женщины устроились на диване и нашли по «ящичку» какую-то старую советскую комедию. Сделали по глотку «успокоительного» из фляги, и только теперь, сидя бок о бок с близким человеком, Марина почувствовала, что ее тело наполняется блаженной теплотой и наконец-то расслабляется.

6.

Идея с визитом в баньку Климу не нравилась. Но, с другой стороны, Комар был в чем-то прав. После стольких лет за решеткой стоило наконец-то расслабиться на природе, попить водочки, вдохнуть поглубже запах свободы. Да и на машине Комар потом подбросит до самого дома. Как-никак, это намного лучше, чем трястись в душном плацкарте. А потом еще и на электричку пересаживаться.

– Ну что, еще немного, и мы на месте, – Комар подмигнул Климу.

Уже в сумерках они выехали из леса к озеру. На берегу, на расстоянии ста метров один от другого, стояли два туристических домика для отдыха. У самой воды расположилась бревенчатая банька: из ее трубы валил густой белый дым. Навстречу приехавшему «Кадиллаку» из домика вышли два крепкого телосложения парня. Оба в одних плавках. У одного в руках была бутылка водки, у другого – два шампура с шашлыком.

– О, вот и гости! Комар, привет!

– Знакомьтесь, это Клим. Вместе с ним срок мотали. Я вам про него рассказывал. Хоть и «мужик», но меня, блатного, на зоне сильно выручил.

Комар с Климом подошли к уже изрядно выпившим пацанам и поздоровались.

– Серый.

– Топор.

Тела и того и другого были густо усеяны эковскими наколками. Сразу было видно, что знали жизнь не понаслышке и отмотали не один срок.

– Топор – мужик серьезный. Получил кликуху за то, что зарубил собственного отчима.

– А что было делать? Отчим вообще страх потерял. Напивался и мать колотил чуть ли не каждый день. Вот и не сдержался, – пояснил Топор.

– Да что мы тут стоим? Айда за стол – накатим за встречу и за знакомство. Там девчонки уже накрыли поляну.

– А природа тут на самом деле шикарная! – восхищенно констатировал Комар, окидывая взглядом ровную гладь озера.

На том берегу за кромкой леса исчезало пунцовое солнце. Над водой струился белесый туман, у берега кричали лягушки. Высокая трава казалась черной и одуряюще пахла. У Клима перехватило дыхание от чистоты и свежести этого вечера – первого на свободе.

– Мальчики, вы где? – послышался девичий голос из домика.

– Уже идем!

– Клим, у тебя как у гостя – право выбора. Любая телочка – твоя. Все оплачено. Угощаем, – Серый похлопал нового знакомого по плечу и пошловато заржал.

– Спасибо, пацаны, но я человек женатый. Думаю, вы и сами с девочками управитесь.

Компания завалилась в дом, где за столом уже сидели с пластиковыми стаканчиками в руках четыре девушки. Клим сел на диван, налил себе водки и залпом выпил. После долгой дороги нужно было расслабиться и снять усталость.

– Девочки, у нас пополнение.

– Привет, – отозвались юные создания.

– Клим, Комар, знакомьтесь – Вера, Юлия, Катя и Диана.

Выпив несколько рюмок, компания переместилась в баню.

– За мной. Кто первый добежит? – Серый на пороге стянул с себя плавки и, в чем мать родила, помчался к бане.

– Как ребенок, ей-богу, – улыбнулся Топор.

– Девочки, вам помочь? – уже в предбаннике игривым тоном обратился к девушкам Серый.

Помощь оказалась лишней. Раздевшись, четыре нагие афродиты юркнули в дверь и, хихикая, уселись на деревянные полочки.

– Комар, подбавь-ка пару, – крикнул Топор, обмахиваясь березовым веником.

Комар зачерпнул ковшом воду и плеснул на раскаленные камни. Она мгновенно вскипела и запузырилась, подняв густые клубы горячего пара.

– Уф, жарко.

– А вы, я вижу, на зоне жирком немного заплыли. Надо вас отхлестать. Ложитесь, сейчас я вам устрою.

Топор взял в обе руки по венику и принялся хлестать Клим и Комара.

– А-а-а! Хор-рошо!

– А как же. Я, можно сказать, профессионал этого дела. Меня еще дед учил банным премудростям.

Закончив «экзекуцию», Топор размазал по лицу обильный пот и присел рядом с белокурой и пышногрудой Юлей. Он что-то шепнул ей на ухо, и парочка, поцеловавшись, вышла в предбанник. Через минуту оттуда послышались страстные крики.

– А они зря времени не теряют, – Серый взял Веру за руку и, миновав предбанник, повел подругу в близлежащие кусты.

Комар с Катей также последовали их примеру. Клим же выскочил из бани и, разбежавшись по деревянным мосткам, с криком нырнул шучкой в озеро. Фыркая и кряхтя от удовольствия, он еще несколько раз нырнул, пытаясь достать до дна.

– Эй, пацаны, айда сюда! Водичка просто класс! – закричал он, махая рукой.

Сделав свое «дело», парочки выбрались из кустов. Комар, Топор и Серый один за другим побежали и плюхнулись «бомбочкой» в воду, окатив берег фонтаном брызг. Следом за ними девушки не спеша зашли в воду и по-собачьи поплыли к парням.

– Ого, настоящий пловец! – воскликнул Серый, глядя, как Клим ритмично взмахивая руками, с большой скоростью отдалялся от берега.

Отплыв метров на пятьсот, он развернулся и поплыл обратно. Выйдя на берег, он подсел на траву к закутанным в простыни девушкам.

– Сигареткой не угостите? А то мои в штанах остались.

– Да, вот, бери, – протянула пачку и зажигалку Катя. – Только они дамские.

– Ничего страшного.

Клим закурил и, выпустив изо рта дым, посмотрел вдаль на ровную гладь озера.

– А вы хорошо плаваете, – прервала воцарившееся молчание Юля. – Наверное, на секцию по плаванию ходили.

– Нет, на водное поло. В школе еще.

– А это как? – заинтересованно спросила Катя.

– Ну, это когда в бассейне играют в ручной мяч.

– Никогда не видела. Чего только не придумают.

– А ты, вообще, чем увлекался, кроме спорта? – спросила молчавшая до этого Диана.

– Девочками он увлекался, – встряла Юля и рассмеялась. – Такой красавец, наверное, не одно сердце разбил.

– Много чем увлекался. И на футбол ходил, и в клуб юных моряков, и на бокс, и даже на спортивные танцы. Вот только больше месяца нигде не задерживался. Как-то скучно и неинтересно становилось, – разоткровенничался Клим.

– А я тоже на танцы ходила, – отозвалась Вера. – Восемь лет, пока школу не окончила. Объездила с детским ансамблем всю Европу. Насмотрелась, как там люди живут. Не то что у нас. Хотела пойти в хореографическое училище, но мамка не пустила. Типа, что это за профессия – танцовка? Заставила поступить в швейное. Месяц походила я, плюнула на это дело.

Дома скандал мне закатили. Ну, я вытянула у бати из кошелька получку и сбежала из дома. Вот такие, блин, танцы получились.

– Верка, что ты настроение портишь? Лучше бы что-нибудь веселое рассказала, – возмутилась Катя.

– Вот сама и расскажи, раз тебе неинтересно.

– И расскажу, – задиристо ответила Катя. – Слушайте. В школе история случилась. За полгода до выпускного бала решила я насобирать себе деньги на туфли. Как раз увидела в магазине. Думала, надо же на прощание форснуть перед одноклассницами. Ну и собирала по копейке ту сумму. Что-то бабушка давала на шоколадку, что-то у родителей выклянчивала. А большую часть сама заработала. У меня по алгебре одни пятерки были, так я делала за деньги контрольные и домашние задания. Короче, месяца через три-четыре собрала я заветную сумму, даже немного больше вышло. Ну, и, как полагается, надо же это дело отметить. Созвонилась с лучшими подругами. И пошли мы посидеть в кафешку. Думала, побудем немного, потремемся, а потом все вместе пойдем покупать мне туфли. Даже не знаю, в какой момент план вечера изменился. Мы взяли бутылку вина, затем еще одну. Подруги потом говорили, что в результате заказали бутылку коньяка, закусок всяких. Я абсолютно ничего не помню. Оклемавшись я под утро на каком-то шоссе. Как будто сознание – р-раз, и включилось. Я, конечно, в шоке. Прикиньте, что вы только что сидели за столом, а потом – хоп! – и вы хрен знает где. Идете по дороге, со всех сторон – поле. Впереди у дороги какой-то коровник стоит. И что самое страшное было для меня – смотрю на ноги, а на мне те самые туфли, на которые я столько времени горбатилась. На них без боли невозможно было смотреть. Каблуки сломаны, сами туфли грязные, поцарапанные, порванные. Короче, подхожу к коровнику, а там у входа дедушка стоит, курит. Я у него спрашиваю, мол, где я. А он что-то, типа – свинокоплекс «Рассвет». Расспросила я его. Оказалось что до города – пятнадцать километров. То есть я на полном автомате всю ночь шла к черту на кулички!

К концу истории все девчонки от смеха катались по траве.

– А что подруги хоть сказали? – наконец успокоившись, спросила Юля.

– А ничего особенного. Говорят, ты поднялась из-за стола, сказала «мне пора домой» и ушла.

– Да-а, подруга. Пить тебе противопоказано, – подвела итог Юля.

Из воды вышли Комар, Топор и Серега.

– Чего сидим? Идемте греться, – крикнул Комар и побежал в дом.

Пока пацаны усаживались за стол, одна из девушек, Диана, подсела к Климу, налила ему в стакан водки, протянула свой, молча чокнулась и выпила.

– Да, Клим, вот ты и попал, – резюмировал Серый, наблюдая, как Диана положила тому руку на плечо.

– Как все поменялось, раньше мы девок цепляли, а теперь они нас, – заржал Топор.

– Вы закусывайте хоть немного. А то набухаетесь через полчаса, и что с вами делать? – встряла в разговор рыжеволосая Катя.

– Ишь ты, какая ненасытная! – цокнул языком Серый.

А стол и вправду ломился от еды. Икра, мясо, рыба, горячие, только что с мангала, шашлыки, сочные помидорчики, соленые огурчики и грибочки, сыр, фрукты...

– А она права. У всех налито? – Комар обнял за талию сидящую у него на коленях Катю. – Быстренько выпиваем и закусываем. У меня есть идея.

– За что пьем? – спросил Серый.

– За удовольствия! – выпалила Вера.

Все опрокинули рюмки.

– А теперь групповуху устроим, – заявил Комар.

– Я пас, пацаны, – покачал головой Клим. – Мне по душе нормальный, традиционный секс.

– Э-э, нет. Так не пойдет. Что за бабские нежности? Ты же мужчина. Расслабься хоть сегодня. Перестань думать про свою жену.

– Подожди, Топор. Ладно, раз он такой стеснительный и любит по старинке, пусть берет Диану и двигает с ней в машину. А то что-то не то получается. Мы к нему со всей душой, девочку подогнали, а он ломается.

Разговор начинал приобретать опасный оттенок. Клим решил – будь что будет. Мало ли какая блажь ударит этим уголовникам в голову. Они хоть и кореша Комара, но его-то тут видят впервые. Не приведи бог, слабаком посчитают.

– Ладно, пацаны, спокойно. Убедили.

Клим взял за руку Диану, и они направились к стоящему невдалеке «Кадиллаку».

– Вот это я понимаю, – обрадовался Топор. – За слияние тел и выпьем!

* * *

Забравшись в машину, Клим почувствовал, что девушка испытывает некоторую неловкость – как и он сам. Она мало напоминала проститутку – даже своими потугами вести себя раскованно и пошло девушка вызвала сильные подозрения в «профессиональной пригодности». Клим было ее жаль. Скинув с себя простыню, Диана легла на широкое сиденье авто и поманила Клима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.